

Светлана
АЛЕШИНА

ЧУШЬ

собачья

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Чушь собачья (сборник)

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Чушь собачья (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

Когда в редакцию криминальной газеты «Свидетель» обратилась жена актера Токмакова с просьбой разобраться с Гавриловым – хозяином злой собаки, то и дело нападающей на супругов в дачном поселке, Ольга Бойкова – главный редактор газеты – не могла отказать. После посещения дачного поселка Ольга пишет статью о безнаказанности владельцев злых собак. Через несколько дней после публикации выясняется, что собаку и ее хозяина зарезали. Поскольку соседи по даче слышали, как Токмаков грозился убить Гаврилова, – артиста арестовывают. Ольга уверена в его невиновности и решает найти убийцу. Ее не разубеждает даже то, что на участке Токмакова находят нож, которым было совершено убийство. Очевидно кто-то умело подставил артиста...

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Чушь собачья	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Светлана Алешина

Чушь собачья (сборник)

Чушь собачья

Глава 1

Она появилась у нас в редакции в первый день июля, в два часа пополудни – это я помню точно. Длинная стрелка на кварцевых настенных часах как раз в коротком рывке завершала очередной круг, а короткая замерла на стилизованной цифре «два» – и в этот момент открылась входная дверь.

Самое интересное, что, увидев на пороге эту женщину, я ничего такого особенного не ощутила – никаких тревожных предчувствий, хотя обычно интуиция меня не подводит. Но в этот день она промолчала, и я довольно спокойно ответила на приветствие посетительницы, не подозревая, какая бурная череда событий открывается этим визитом.

Пока же мы троим – я, наш аналитик Кряжковский и фотограф Виктор – обсуждали возможные изменения в логотипе нашей газеты, и ничего более бурного на ближайшее время не предвиделось. Мнений по поводу обсуждаемого вопроса мы почему-то придерживались совершенно противоположных, дискуссия зашла в тупик, и появлению нового человека все даже обрадовались.

Женщине было около сорока, она была скорее некрасива, но ее большие серые глаза, очень живые и выразительные, горели оптимизмом и невольно вызвали расположение. Чувствовалось, что ни возраст, ни внешность не имеют для этой женщины решающего значения, и радость жизни она черпает в чем-то неизмеримо высшем, имеющем непреходящее значение. Одета она была в черное платье несколько экстравагантного покроя, украшенное недорогой, но оригинальной брошью, несомненно ручной работы. Темные волосы с вкраплениями седины были коротко острижены.

– Это редакция газеты «Свидетель»? – спросила женщина приятным, хорошо поставленным голосом.

Мы ответили утвердительно, и тогда она сказала:

– Моя фамилия Токмакова. Токмакова Любовь Георгиевна. Я – искусствовед. И мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь... гм... по одному деликатному делу.

Мы были рады на время прекратить наши споры, и я представилась посетительнице:

– Ольга Юрьевна Бойкова, главный редактор этой газеты. С удовольствием побеседую с вами, если это вас устроит.

Любовь Георгиевна слегка смутилась и произнесла с неловким смешком:

– Право, не знаю, стоит ли беспокоить сразу главного редактора?..

– Ничего, – ответила я, – у меня нет мании величия, если вы об этом, у нас и редакция-то пять человек. Трех вы видите. Секретарша сегодня отпросилась, курьер в отпуске. Так что можете беспокоить любого из нас. Но если дело, как вы говорите, деликатное, то, наверное, вы предпочли бы разговор с глазу на глаз?

На лице женщины промелькнуло что-то вроде удивления.

– Вы меня не совсем правильно поняли, – поспешно сказала она. – Мне совершенно нечего скрывать. Просто я имела в виду, что во всем следует тщательно разобраться. Как говорится, пусть будет выслушана другая сторона. А вообще мне именно хотелось добиться резонанса. Ведь, надеюсь, для вашей газеты справедливость и нормы человеческого общежития –

не пустой звук? – При этих словах она посмотрела на меня с тревогой, словно ожидала услышать прямо противоположный ответ.

– Ну, что вы, как можно? – успокоила я ее. – Конечно, мы не обольщаем себя надеждой, что сможем сделать мир лучше, но, во всяком случае, мы пытаемся этому помочь – в меру своих сил. Иногда нам действительно удастся восстановить справедливость, хотя бы в отношении одного человека.

– Это уже немало, – горячо поддержала меня посетительница, и тревога исчезла из ее взгляда. – Вот я и подумала...

– Пройдемте в мой кабинет, – предложила я. – Пожалуй, там все-таки будет удобнее разговаривать.

Усаживаясь в кресло, Любовь Георгиевна с любопытством оглядела мой не слишком большой кабинет, и на лице ее появилось выражение некоторой озабоченности.

– Не совсем уверена, что моя история может претендовать на сенсационность, – извиняющимся тоном сказала она. – Она, скорее, банальна. Возможно, из-за этого она представляется многим слишком незначительной...

– Не переживайте, – мягко перебила я. – Расскажите все по порядку. Мы, конечно, охотимся за сенсациями, но газета состоит не из одних сенсаций. Мы придерживаемся того мнения, что пресса должна не только развлекать и информировать, но и помогать людям... Скажу без ложной скромности, к нам часто обращаются те, кто попал в сложную ситуацию, кто отчаялся найти помощь в другом месте, – в том числе и в правоохранительных органах. Иногда нам удавалось распутывать очень сложные дела. – И я добавила с улыбкой: – Наверное, нам уже можно вешать на дверях табличку «Частное детективное агентство».

– В моем деле нет никакой загадки, – вздохнула Токмакова. – Оно абсолютно ясное. Просто с некоторых пор нас с мужем терроризирует наш сосед по даче... – И она тут же поспешно добавила: – Кстати, не нас одних! Но только мы решились противостоять ему. Остальные не хотят связываться.

– Вот как? – озадаченно спросила я. – И в чем же выражается террор? – Как ни была мне симпатична эта женщина, быть арбитром в соседских дрызгах мне вовсе не улыбалась.

– В собаке! – округляя глаза, ответила Токмакова. – В совершенно жутком, неуправляемом псе, который не дает никому прохода!

– Не совсем представляю, – осторожно заметила я. – Что же, хозяин пса натравливает его на окружающих? Запускает его на вашу территорию? Кстати, что за порода у этой собаки?

– К сожалению, я не разбираюсь в породах собак, – сказала Токмакова. – Но пес чудовищный! С такой, знаете, тупой злобной мордой... Муж называл мне породу, но у меня это слово постоянно вылетает из головы.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Бог с ней, с породой! Нельзя ли как-то поконкретней? Чем провинился этот страшный пес?

– Пожалуй, я расскажу все по порядку, – ответила Токмакова. – С самого начала. А то у меня в голове все путается, и вы можете меня неправильно понять. – Она подняла глаза к потолку, словно пытаясь вспомнить что-то совсем далекое, а потом очень доверительно сказала: – Вы знаете, дачу мы купили совсем недавно. Скопили кое-какие деньги и купили. Это была наша с мужем давняя мечта – иметь свою хижину за городом, вдали от постоянных стрессов, утопающую в цветах, на живописном речном берегу. Вначале все так и было. Дача расположена в очень удобном месте – в десяти минутах ходьбы от Затона, почти у самой дороги. Правда, дачи там лепятся одна к другой. Пожалуй, хотелось бы большей уединенности, потому что, знаете, муж постоянно на людях, работа заставляет полностью выкладываться – а это так нелегко, когда практически ежедневно приходится, фигурально выражаясь, обнажать перед зрителями свою израненную душу...

Заметив на моем лице недоумение, Любовь Георгиевна с едва заметным упреком пояснила:

– Токмаков Валерий! Вы разве никогда не бывали в нашем драмтеатре?

Ну, конечно! А я-то ломала голову, откуда мне знакома ее фамилия! Как же я сразу не сообразила – Валерий Токмаков, один из ведущих драматических актеров, довольно известный в Тарасове человек, играющий осанистых красавцев с героическим характером!

– Простите, – сказала я. – Не сообразила сразу! Значит, это ваш муж?

– Да, мы женаты уже двадцать лет, – со скрытой гордостью ответила Любовь Георгиевна. – И были счастливы все это время! Хотя у Валерия далеко не простой характер. И вообще, люди искусства...

– Представляю, – заметила я. – Поклонницы, слава...

– Ну, какая уж слава! – скромно сказала Токмакова. – Наверное, Валерий заслуживает большего. Иногда я начинаю себя винить – возможно, это я не позволила ему по-настоящему раскрыться.

– Мне кажется, это вы напрасно, – возразила я. – Судя по всему, вы-то как раз и обеспечили мужу, как говорится, крепкий тыл. Просто судьба артиста зачастую складывается так прихотливо...

Ходили слухи, что красавец Токмаков имеет вспыльчивый характер и вдобавок подвержен пороку, который испортил жизнь не одному актеру, – речь, разумеется, шла о горячительных напитках. Любовь Георгиевна поняла намек, который содержался в моих словах, и постаралась тут же сменить неприятную для нее тему.

– Наверное, вы правы, – сказала она. – Но я отклонилась... В общем, мы купили эту дачу и обустроили ее по-своему. Правда, это не очень-то понравилось соседям...

– Не совсем вас понимаю, – перебила я. – Были какие-то конфликты?

– Нет, ничего серьезного! – отмахнулась Любовь Георгиевна. – Просто мы нарушили стереотип, а люди этого не прощают. Мы стали объектом молчаливого неодобрения. Хотя мы с мужем достаточно общительные люди, но вот в этом кругу отношения у нас, прямо скажу, не сложились.

– И все-таки, чем вы так досадили соседям? – поинтересовалась я.

Любовь Георгиевна мечтательно улыбнулась.

– Понимаете, мы отбросили идею выращивать на своем клочке земли овощные культуры, – сказала она. – Вместо этого мы рассадили кругом чудесные цветы: астры, георгины, розы. Правда, мы не тронули фруктовых деревьев – это было бы варварством, тем более что они так прекрасно цветут весной. Однако и здесь мы отошли от общих правил – по мнению соседей, мы неверно ухаживаем за деревьями: не делаем обрезку, не прививаем. Вообще ничего не делаем! Но, поверьте, для нас не это главное!

Я посмотрела в ее широко открытые искренние глаза и деликатно напомнила:

– Мы с вами, кажется, опять отклонились от темы. Речь шла о собаке. Надеюсь, сосед не стал вас травить собакой из-за того, что вы не прививали фруктовые деревья?

– Нет, никакой связи! – решительно произнесла Любовь Георгиевна. – Этому соседу нет никакого дела до наших деревьев. Ему, кстати, нет дела и до своих собственных. Вы бы видели, какое запустение на его участке!

– Интересно! – удивилась я. – Вы меня окончательно запутали.

– Понимаете, – озабоченно пояснила Токмакова, – эта дача на самом деле принадлежит какому-то инженеру. Раньше он работал на военном заводе, имел связи, неплохо зарабатывал... А потом, говорят, уехал на заработки за границу. Кто-то из его знакомых присматривал за дачей, а этой весной там поселился нынешний сосед. Между нами говоря, очень неприятный субъект – грубый, наглый, почти постоянно пьяный! А потом еще появилась эта псина!

– Значит, псина появилась не сразу? – уточнила я.

– Не сразу, – согласилась Токмакова. – Пожалуй, я даже затрудняюсь сказать, когда именно она появилась. В силу многих причин мы с мужем бываем на даче крайне нерегулярно, и появление собаки было для нас полной неожиданностью. Помню, мы только подошли к калитке, как вдруг, откуда ни возьмись, выскочила эта жуткая зверюга и сразу вцепилась мне в руку!

– Она вас укусила?!

– Именно! – Любовь Георгиевна, стесняясь, завернула длинный и широкий рукав платья и показала мне довольно свежий розовый шрам на предплечье. – Я была в шоке! Слава богу, мужу удалось отогнать в тот раз пса. Но это стоило ему брюк. Хорошо, что это были старые брюки.

– А к врачу вы потом обращались? – перебила я бурный поток ее словоизлияний.

– Нет.

– Как же так? Ведь вас укусила неизвестная собака. А вдруг бешеная? Нормальный человек в таком случае делает профилактические уколы.

– Нормальный человек, может быть, их и делает, но я прежде всего – нормальная женщина и уколов боюсь больше всего на свете!

На лице Токмаковой отразилось неподдельное волнение, точно этот неприятный эпизод был пережит ею пять минут назад.

– И что же было дальше? – спросила я.

– Откровенно говоря, мы не поняли, откуда взялась эта собака, – продолжала Любовь Георгиевна. – Но тут появился сосед, как всегда, пьяный, и, представьте себе, покрыл нас матом за то, что мы, видишь ли, трогаем его Рекса! Муж возмутился, естественно, и мне стоило большого труда погасить конфликт – собственно, я попросила Валерия оказать мне помощь – потому что про меня он, конечно, забыл. А мне было очень больно, и рука вся была в крови. Когда он это заметил, он плюнул на соседа с собакой и увел меня в дом. Там мы обработали и перебинтовали рану.

– А что сосед? – поинтересовалась я.

– А что ему? – горько усмехнулась Любовь Георгиевна. – Пошел себе в Затон – время от времени он туда навещался, покупал в магазине продукты и, без сомнения, водку. Он тоже был возмущен – еще бы, мы посмели тронуть его драгоценную собаку!

– Вы обращались по этому поводу к участковому? – деловито спросила я.

– Представьте себе, обращались, – сказала Токмакова. – Трижды. Наконец он тоже соизволил нас навестить. Однако заявление принять отказался, сославшись на срок давности. Его равнодушие было подозрительным! Я бы взяла на себя смелость заявить, что в душе он даже был на стороне этого хама!

– Неужели? – удивилась я. – Но ведь факт, что собака напала на вас?

– Для представителя власти это был вовсе не факт, – сказала Любовь Георгиевна, и в ее голосе прозвучали саркастические нотки. – Он даже не потрудился найти свидетеля, хотя я уверена, что кое-кто из соседей наблюдал за нашим сражением... Он целиком положился на заявление владельца собаки – якобы мы ее дразнили. Но это же абсурд!

– Да, сложный случай! – покачала я головой. – Понимаю, что вам тогда было не до этого, но стоило все-таки запастись парочкой свидетелей.

Токмакова махнула рукой и сказала удрученно:

– Я совсем не уверена, что нам это бы удалось. Я же говорила, что у нас с соседями не было взаимопонимания. И потом, вряд ли кто-то сейчас захочет связываться с милицией, судами. Эта собака бросалась не только на нас, я уверена. Она бежит без намордника, пролазит через забор... Просто страшно стало там жить, понимаете?

– А вообще, вы не пытались поговорить с этим... соседом? – спросила я. – Кстати, как его зовут?

– С ним невозможно разговаривать! – с негодованием воскликнула Токмакова. – Он абсолютно некоммуникабелен! Иначе как мотом он вообще не изъясняется! Должна признаться, что муж уже несколько раз с ним ругался. Он очень вспыльчивый человек, и если бы не мое вмешательство, не знаю, чем бы все кончилось. А буквально десять дней назад этот Рекс покусал и Валерия! Это было утром, а вечером ему играть в спектакле, представляете? Но тут уж мы действовали решительно – сразу обратились в больницу и взяли справку о причиненных увечьях. У мужа прокушена нога, и он до сих пор хромает. Он так и на сцену вышел – хромая. Вы же понимаете, настоящий артист умирает на сцене! – с пафосом закончила она.

– А, кроме справки, вы приняли какие-то меры? – поинтересовалась я.

– Разумеется! – с жаром сказала Токмакова. – В тот же день я подала заявление в суд. И, вы не поверите, кончилось тем, что оно попросту затерялось! Но тут уж у меня окончательно лопнуло терпение, и я пришла к вам. Если никто не хочет слушать нас, то, может быть, к голосу вашей газеты прислушаются? Ведь это настоящий произвол! Почему один какой-то негодяй может терроризировать всю округу? И делает это совершенно безнаказанно? Или вы считаете, что эта тема неактуальна?

Любовь Георгиевна настолько разволновалась, что лицо ее пошло красными пятнами и сделалось особенно некрасивым. А в глазах ее застыла такая жгучая обида на весь свет, что я вряд ли бы посмела ей сейчас возразить, даже если бы этого очень хотела. Но в принципе я была с ней согласна. Меня раздражали владельцы собак, не чувствующие ответственности за своих питомцев. И эта тема как раз казалась мне очень актуальной. Пожалуй, основываясь на этом случае, можно было организовать в газете целую дискуссию, привлечь к вопросу внимание законодателей. Но сначала для порядка следовало бы выслушать, как выражалась сама Любовь Георгиевна, и другую сторону.

– Ради бога, не волнуйтесь! – сказала я. – Мы постараемся вам помочь. Но, согласитесь, объективности ради мы должны встретиться с вашим обидчиком. Кстати, вы так и не сказали, как его зовут...

– Он нам не представлялся, – ответила Токмакова. – Если я не ошибаюсь, милиционер называл его Дмитрием Анатольевичем. А фамилия, кажется, Гаврилов. Именно так я зафиксировала его в своем заявлении. А что оставалось делать? Он же не идет на контакт!

– Этот Гаврилов постоянно живет на даче?

– Поручиться не могу, – задумчиво сказала Токмакова. – Но у меня складывается именно такое впечатление. Кстати, он, по-моему, вообще не из нашего города. Когда участковый проверял у него документы, в разговоре всплыло название... Вот совершенно выветрилось из памяти! – она озабоченно наморщила лоб. – Новосибирск? Хабаровск? Честное слово, не помню!

– Видимо, он нездешний, – заключила я. – Это как-то удивило участкового?

– Да, он еще спросил, что этот тип здесь делает. И тот, знаете, нагло так ответил, что проводит отпуск на даче своего друга, и законом это, мол, не запрещено... Отпуск! Это более трех месяцев. Вы слышали что-либо подобное?

– Ну, у некоторых категорий работников и раньше были продолжительные отпуска, – заметила я. – А уж в наше нестабильное время... Только меня смущает такой момент – вы говорите, более трех месяцев. Не с апреля же он живет на даче?

– А что? – недоуменно посмотрела на меня Токмакова. – Домик там вполне пригоден для жилья, оснащен АГВ... Да, соседи говорили, он появился там уже в апреле, это точно! Но, в конце концов, это неважно. Важно, что потом они с участковым уединились на пять минут в комнате и о чем-то там шушукались, после чего милиционер явно принял его сторону. Вам это не кажется странным?

– Вот как раз странным мне это не кажется, – сочувственно сказала я. – Но, поскольку свидетелей их уединения у нас нет, не будем об этом. Лучше расскажите, как найти дачу этого Гаврилова. Я завтра же съезжу туда и попробую с ним побеседовать.

– Ради бога, будьте осторожны! – с беспокойством взглядывая на меня, сказала Любовь Георгиевна. – Мне не хотелось бы, чтобы от этой собаки Баскервилей пострадала такая очаровательная женщина, как вы! Может быть, вам стоило бы предварительно договориться с участковым?

– Не волнуйтесь, – успокоила я ее. – Мы поедем вместе с фотографом. Виктор – человек военный, служил в разведке. С одной собакой он уж как-нибудь справится.

– Ну, хорошо, – с сомнением произнесла Токмакова. – К сожалению, мы с мужем оба завтра заняты. Но, может быть, так вам даже будет удобнее. В общем, слушайте! Вы доедете автобусом до конечной остановки в Затоне...

– Мы поедем на машине, – поправила ее я.

– Ага! – Любовь Георгиевна на секунду задумалась, а потом попросила листок бумаги и карандаш. – Тогда я лучше начерчу вам план. Так вам будет легче разобраться. И потом, наверняка там кто-то будет из дачников – они подскажут.

Она набросала на бумаге довольно подробную схему участков и протянула ее мне. Однако на лице Любви Георгиевны явственно читалось сомнение.

– Знаете, вот сейчас мне начинает казаться, что я зря отнимаю у вас время, – сказала она. – В самом деле, почему вы должны заниматься нашими проблемами? Наверное, мой рассказ показался вам до некоторой степени анекдотичным?

– Анекдоты, на мой взгляд, должны быть смешными, – ответила я. – А то, что вы рассказали, – совсем не смешно. И это далеко не только ваша проблема, и мы будем о ней говорить.

– Правда? – Любовь Георгиевна посмотрела на меня с благодарностью. – Я очень рада, что вы так думаете. С вашей поддержкой мы будем чувствовать себя значительно увереннее.

Мы очень тепло распрощались и договорились созвониться, когда эта история получит продолжение. Проводив посетительницу, я посвятила своих мужчин в суть дела.

– Завтра мы выезжаем на место проживания этой собаки Баскервилей, – предупредила я Виктора. – Захвати с собой аппаратуру – неплохо будет, если мы снимем хозяина этого зверя и хищный собачий оскал – это очень оживит газетный материал.

– Какая порода? – меланхолично поинтересовался Виктор.

– Ты имеешь в виду собаку? – спросила я. – К сожалению, Любовь Георгиевна не разбирается в породах собак, но, по ее словам, это что-то ужасное. Кстати, ты умеешь защищаться от нападения собак?

Виктор молча показал мне газовый баллончик.

Мы были настроены весьма решительно, но о мерах безопасности рассуждали скорее в шутку. Мы считали, что нам опасаться нечего.

Глава 2

На следующее утро мы с Виктором отправились на дачу. День был чудесный – солнечный, с теплым ветерком. Пыльная, нагретая солнцем дорога привела нас в благословенный уголок, где на берегу Волги один к другому лепились дачные домики, почти не различимые за пышной зеленью фруктовых деревьев.

Остановив машину на обочине дороги, мы вышли и осмотрелись. Вокруг царила необыкновенная тишина, нарушаемая лишь треском стрекозиных крыльев. Стрекозы водились здесь в изобилии.

Внизу синела гладь Волги, в которой явственно отражались неподвижные белые облака, заросшие кустарникам острова и паруса спортивных яхт. Над водой лениво парили чайки. Вокруг пахло листвой, цветами и речной водой. Если рай все-таки существует, то он наверняка выглядит именно так: густые сады, яркое солнце, стрекозы и тишина.

Но мы еще не заслужили права на наш рай, поэтому я достала нарисованную Любовью Георгиевной схему и сказала, неизвестно на кого сердясь:

– Не расслабляйся! Мы на работе. И где-то тут бродит ужасная собака. Она только и ждет, чтобы мы потеряли бдительность.

Виктор рассеянно улыбнулся и полез в машину за аппаратурой. Он повесил через плечо фотоаппарат, рассовал что-то по карманам, и мы углубились в лабиринт садов, разграниченный невысокими заборчиками, за которыми сквозь густые ветки, усыпанные созревающими плодами, виднелись летние домики, аккуратные грядки и посыпанные песком дорожки.

Несмотря на план, мы сразу же потеряли ориентировку. То, что казалось очевидным местному аборигену, сбивало нас с толку. Все дачи казались нам похожими друг на друга, а буйная растительность мешала обзору. Вскоре я поняла, что без подсказки нам не обойтись. К сожалению, вокруг не было видно ни одной живой души – словно весь этот рай был еще пуст и только готовился к приему гостей.

Виктор, угадав мои мысли, молча показал на ближайшую калитку.

Хозяйева здесь, поняла я. Иначе бы висел замок.

Мы перешли границу частного владения и медленно пошли по дорожке, мощенной красным кирпичом, которая вела от калитки к деревянному дому, выкрашенному зеленой краской. Слева тянулись ряды ухоженного виноградника, справа чуть слышно шелестели кроны яблонь. На веранде дачи стоял простой деревянный стол, на котором ничего не было, кроме бутылки с растительным маслом. Здесь тоже царила умиротворенная тишина.

– Ау, хозяйева! – осторожно позвала я. – Есть тут кто-нибудь?

Только я это сказала, как откуда-то из-за угла дома совершенно бесшумно выступил человек, дочерна обожженный солнцем. Из одежды на нем была тряпочная кепка с засаленным козырьком и выцветшие синие шаровары, поверх которых колыхался огромный загорелый живот. Лицо человека было покрыто морщинами и седой щетиной, а маленькие голубые глазки смотрели хитро и подозрительно. В руках дачник держал тятку с отполированной рукояткой.

– Здравствуйте! – сказали мы хором.

– Добрый день! – ответил хозяин, ощупывая нас въедливым взглядом. – Что-то не признаю – вы кто ж такие будете? Вроде я вас раньше не видел?

– Ничего удивительного, – сказала я. – Мы здесь впервые. Ищем одного человека. Может быть, вы нам поможете?

Дачник усмехнулся неподражаемой притворно-простодушной усмешкой.

– Все может быть, – уклончиво сказал он. – А с кем, простите, имею честь?

Чтобы предотвратить дальнейшие вопросы, я протянула ему свое журналистское удостоверение. Хозяин читал его долго и с удовольствием, беззвучно шевеля губами.

– Понимаю, – сказал он наконец, возвращая книжечку. – А я Боровских Тимофей Иванович, полковник в отставке. Теперь вот здесь место моей дислокации, – он негромко похихикал и обвел рукой свои владения. – Благодать!

– Да, у вас тут хорошо, – согласилась я. – Но, говорят, есть свои проблемы?

Полковник посмотрел на меня хитрым взглядом и рассудительно заметил:

– А где ж их нет, проблем-то? В этом вся жизнь, в проблемах! Куда денешься? Разве только на кладбище проблем нет! – и он снова сдержанно хохотнул, весьма довольный своим остроумием.

Я вежливо улыбнулась.

– И все-таки у нас есть информация, что здесь имелись случаи нападения собаки на дачников. Вы ничего об этом не слышали?

Тимофей Иванович оперся на тятку и задумчиво уставился почему-то на Виктора.

– Собаки, говорите? Это чьей же собаки? Вроде у нас и собак тут особых нет. Кто вам это сказал?

– Сказала нам гражданка Токмакова, – ответила я. – Знаете такую? А собака вроде бы принадлежит некоему Гаврилову. И собака эта уже покусала Токмакову и ее мужа. Может быть, были и другие случаи.

Отставной полковник выслушал меня очень внимательно, наморщил лоб и уставился себе под ноги. Он долго думал, жуя губами, а потом изрек:

– А что? Вполне возможно, что и были случаи! Сейчас порядку-то нигде нет. Вы вот в газете пишете, а что толку? Все только хуже и хуже. Вот, к примеру, моя пенсия...

– Тимофей Иванович! – перебила его я. – Мы бы с удовольствием поговорили о вашей пенсии, но совершенно нет времени. Раз вы не слышали о собаке, так, может, вы подскажете, где найти дачу Токмаковых?

Лицо Боровских выразило явное неудовольствие. Полковник выпрямился, выпятив живот, и ожег меня посуровевшим взглядом.

– Не знаю таких! – отрезал он. – Тут вот Пахомовых дача, тут Либермана. Может, там дальше где... А я таких не слышал. Ищите!

Нам ничего не оставалось, кроме как ретироваться. Хозяин провожал нас неприязненным взглядом до самой калитки, держа тятку наперевес, точно пограничник ружье.

– У меня такое ощущение, что со свидетелями будет туго, – заключила я, когда мы оказались на дорожке в окружении дачных заборов.

Виктор пожал плечами и кивнул куда-то в сторону. Метрах в десяти от нас на дорожке в тени пышной акации стояла невысокая женщина в панаме, просторной футболке и вытянутых на коленях трикотажных брюках. Она с любопытством смотрела на нас, морща остроносое личико в приветливой улыбке. Не сговариваясь, мы двинулись в ее сторону и поздоровались.

– Ищите кого-нибудь? – спросила женщина приятным звонким голосом, разглядывая нас с доброжелательным любопытством. – Я слышала, вы с Тимофеем Ивановичем разговаривали...

– Разговаривали, – призналась я. – Но, кажется, неудачно.

Женщина тонко улыбнулась.

– Тимофей Иванович у нас с характером, – сообщила она, понижая голос. – Наверное, он сегодня не в духе. Но вы не расстраивайтесь. Может быть, я сумею вам помочь. – И тут же предложила: – А то пойдемте в дом, я вас квасом угошу!

– Нет, спасибо, – сказала я. – Может быть, в следующий раз. У нас работа. Нужно найти одного человека, – тут я на всякий случай продемонстрировала свое удостоверение.

– Ой, да вы из газеты? – восхитилась дачница. – Очень приятно! Знаете, я иногда читаю вашу газету. Попадают интересные статьи! – она посмотрела на меня с притворным ужасом

и по-заговорщически прошептала: – Только не говорите, что здесь у нас совершено какое-то преступление! Я ужасная трусиха!

– Ну, преступление – не преступление, – ответила я. – Но, скажем так, нарушения общественного порядка у вас здесь случались?

Женщина подняла брови.

– Да вроде у нас здесь тихо, – неуверенно сказала она.

– А вот, говорят, собачка здесь у вас озорует, – подсказала я.

– Точно! – с жаром согласилась дачница. – Это было. Но мы как-то уж привыкли, не замечаем. Конечно, если она поблизости бегают, то без палки стараемся не выходить.

– А такие случаи, чтобы она набрасывалась на людей, имели место? – поинтересовалась я.

Женщина кивнула.

– А как же! Конечно, имели, – она открыла свою калитку и решительно махнула рукой. – Все-таки пойдемте! Я вас кваском угощу! Все равно разговариваем, а жара-то сегодня...

Пока мы шли через сад к ее маленькому белому домику, крытому шифером, хозяйка успела сообщить, что зовут ее Софьей Андреевной, что она на пенсии и что ее покойный муж Арнольд Либерман был администратором филармонии.

– Эту дачу обустроил он, – с гордостью сообщила Софья Андреевна. – Своими руками. Когда я здесь, мне все время кажется, что Арнольд где-то рядом – будто он и не уходил, понимаете?

Усадив нас на веранде в красивые плетеные кресла, Софья Андреевна угостила нас холодным шипучим квасом, в котором плавали темные кисловатые изюминки. Глоток чудесного домашнего напитка был весьма кстати.

– Значит, вас интересует эта собака, – глубокомысленно произнесла Софья Андреевна. – Понимаю. Меня это тоже касается. Эта псина порвала мне юбку. Юбка была, конечно, никудышная, но не в этом же дело, правильно? Она запросто могла меня покалечить. О! Я знаю, с кем вам надо поговорить – с Токмаковыми. Они оба пострадали от этой собаки. Валерий Сергеевич – вы знаете нашего ведущего артиста? – был вообще взбешен. Со свойственной ему пылкостью он даже пообещал владельцу собаки убить его!

– Неужели убить? – удивилась я.

– Убить-убить! – убежденно сказала хозяйка. – Конечно, нужно делать скидку на артистичность натуры... но Токмаков – мужчина видный и в состоянии аффекта на многое, я думаю, способен. Хотя в этот раз они все-таки разошлись миром – если эту ужасную брань можно назвать миром.

– А вы знакомы с владельцем собаки? – спросила я.

– Да он ни с кем не поддерживает отношений! – воскликнула Софья Андреевна. – Живет бирюком на даче. Кстати, дача эта не его, она принадлежит Порошкову Сергею Гавриловичу. Муж был с ним в приятельских отношениях. Но тот уже три года работает где-то в Алжире, сюда и носа не кажет. А этот мужчина, наверное, родственник его. Боже, сохрани от таких родственников! Всегда мрачный, полупьяный и глазами зыркает так, будто думает вас зарезать!

– Неужели такой страшный?

– Неприятный субъект, – подтвердила Софья Андреевна. – Но вот был здесь участковый, проверял у него документы – видимо, все в порядке. Я, впрочем, стараюсь держаться от него подальше.

– А с Токмаковыми встречаетесь? – поинтересовалась я.

– Ну как встречаемся? – пожала плечами Софья Андреевна. – Они тоже люди непростые. Богема! Конечно, здороваемся, когда видимся. Но так чтобы поддерживать отношения – этого нет.

– А факт нападения собаки можете засвидетельствовать? – спросила я. – Видели своими глазами?

Софья Андреевна с сожалением покачала головой.

– Да откуда! Я тут у себя потихоньку ковыряюсь, никуда не выхожу. Скандал-то, ругань я слышала. А факт засвидетельствовать не берусь, не видала.

– Тогда, может быть, объясните, как найти дачу Порошкова?

– Да это очень просто, – сказала Софья Андреевна. – Можно с дороги зайти. А можно через мой забор перелезть, и как раз выйдете к даче Токмаковой. Они весь участок цветами засадили – сразу узнаете. А напротив – дача Порошкова. Дом там хороший, кирпичный. Он здесь один такой, тоже сразу узнаете.

Недолго посоветовавшись, мы решили воспользоваться предложением хозяйки и срезать путь, перебравшись через ее забор. При этом я порадовалась, что сегодня предусмотрительно надела джинсы.

Провожая нас в конце участка, Софья Андреевна неожиданно смущенно хихикнула и шепнула:

– Скажу вам по секрету! Если хотите побеседовать с человеком, который все про всех знает, то попробуйте обратиться к нашей мисс Марпл – уж она-то вам порасскажет!

– К кому обратиться? – удивленно переспросила я.

– Ну, это мы ее так называем, – улыбнулась Софья Андреевна. – Сериал по Агате Кристи видели? Вот у нас есть тут своя такая старушка. Ей восемьдесят лет, но бодрая она необычайно. Бывший адвокат. На самом деле ее зовут Клавдия Дмитриевна. Ее крыша во-о-он торчит! Найдете без труда.

Мы посмотрели туда, куда указывала Софья Андреевна, и действительно увидели выглядывающую из гущи зеленых крон островерхую крышу, отделанную железом, выкрашенным в красный цвет.

– Сидит у себя в башне и за всеми наблюдает, – сказала Софья Андреевна и тут же добавила, словно оправдываясь: – Но вы не подумайте, я не в осуждение. Кто знает, какие у нас будут в старости причуды, правда? Вреда от старушки никакого нет, да и нам тут скрывать особенно нечего. Пусть себе наблюдает, верно?

Мы согласились с этим мнением, хотя, на мой взгляд, в той зеленой каше, которая нас окружала, невозможно было ничего высмотреть даже при наличии самых современных оптических приборов. Впрочем, наверное, местной мисс Марпл с ее наблюдательного пункта было виднее. В крайнем случае, можно будет поинтересоваться.

В конце сада мы перемахнули через забор и попрощались с Софьей Андреевной. Напоследок она еще раз знаками показала, куда идти, и скрылась в зарослях малинника.

Дачу Токмаковых мы и правда узнали сразу. Небольшой дощатый домик со всех сторон был окружен морем цветов. Огненно-красные, белые, лиловые – почти все пространство небольшого участка было занято цветочными клумбами, и лишь десяток печальных яблонь робко теснился среди этого яркого пиршества. От цветов исходил необыкновенный аромат – казалось, им пропитано все вокруг.

Калитка Токмаковых, как и ожидалось, оказалась на замке. Мы обошли дачу кругом и наконец увидели кирпичный дом Порошкова.

Он действительно выглядел солидно. Думаю, в нем было по крайней мере две комнаты, не считая кухни. Забор тоже был сооружен на совесть – упругая стальная сетка на прочных железных столбах. В свое время хозяин, видимо, предполагал здесь крепко обосноваться. Однако участок был основательно запущен. Сорная трава подступала к самому крыльцу и пробивалась сквозь щели в каменной плитке, которой была выложена дорожка к дому. А неухоженные фруктовые деревья, если можно так выразиться, стояли по колено в бурьяне. Сколько ни вглядывались мы сквозь ячейки забора, никаких признаков жизни во дворе не обнаруживалось. Однако замка на калитке не было – значит, в доме все-таки кто-то был.

– Готовь аппарат! – негромко сказала я Виктору, пытаясь открыть калитку.

Она не поддавалась – не пускала задвижка, до которой снаружи добраться не было никакой возможности. Звонка здесь тоже не было предусмотрено. Оставалось одно: как говорят военные, подавать сигнал голосом.

– Покричи, – предложила я Виктору. – Все-таки ты мужчина и служил в армии. У тебя должен быть командный голос.

Виктор откашлялся и старательно гаркнул:

– Эй, хозяин! Выдь на минутку!

Результат не замедлил сказаться – вдруг тревожно зашумел бурьян, и из зеленой гущи молнией взметнулось лоснящееся черное тело. В два прыжка оно достигло забора и с размаху обрушилось широкими мощными лапами на стальную сетку. Из собачьей глотки вырвался короткий угрожающий рев, сетка загнулась.

Мы невольно отпрянули, но Виктор тут же опомнился и хладнокровно сфотографировал терзающего забор пса и его оскаленную зубастую пасть. По крайней мере, теперь можно было сказать, с кем мы имеем дело. Рекс оказался ротвейлером. Экземпляр был не самый крупный, но некоторая недостаточность в размерах с лихвой компенсировалась отчаянной свирепостью. Глядя на эти клыки, на массивный собачий лоб с рыжей подпалиной, на горящие ненавистью глаза, я только удивлялась, как еще эта псина не перекусила весь поселок.

Между тем пес отчаялся взять штурмом забор и, опустившись на все четыре конечности, несколько раз рывкнул на нас глухим захлебывающимся лаем. На этот лай из дома вышел человек в спортивных «адидасовских» брюках и в майке, которую только условно можно было признать белой. Остановившись на крыльце, он несколько секунд всматривался в наши фигуры, а потом крикнул сердитым хриплым голосом:

– Какого хрена вам тут надо?

По правде говоря, выразился он несколько откровеннее, но, видимо, это было для него самым обычным делом.

– Простите, вы – Гаврилов Дмитрий Анатольевич? – любезно поинтересовалась я. – Нам хотелось бы с вами переговорить!

Грубиян подозрительно нахмурился, поднял с земли обрезок какой-то трубы и, угрожающе сжав ее в кулаке, медленно приблизился к забору. Он был небрит и выглядел действительно мрачновато, если не сказать больше. Когда он заговорил, до нас донесся явственный запах перегара.

– Кто вы такие? – грубо спросил он.

– Мы из газеты «Свидетель», – сообщила я. – Хотим выяснить у вас обстоятельства, связанные с вашей собакой. Нам стало известно, что она покусала здешних дачников...

Гаврилов не стал слушать дальше. Он показал нам трубу и коротко бросил:

– Мотайте отсюда, пока она и вас не покусала! Я два раза повторять не буду!

Он выглядел в этот момент так колоритно, что Виктор не удержался и щелкнул его крупным планом. Эта вольность привела нашего собеседника в ярость. Он махнул обрезком трубы и заорал, брызжа слюной:

– Я тебе сейчас череп расколю, чмо! Взять их, Рекс! Фас!

Рекс взревел утробным голосом и ломанулся в калитку. Если бы Гаврилов сумел ее быстро открыть, нам с Виктором пришлось бы туго. Но он был хронически, застойно пьян, и руки плохо его слушались. Пока он возился с задвижкой, Виктор успел приготовиться.

Оттеснив меня за спину, он встретил собаку оглушающей жгучей струей из заблаговременно припасенного баллончика. Хватив аммиака, пес ошалел. Он подпрыгнул, жалобно взвыл и кубарем покатился обратно, пытаясь передними лапами стереть с морды обжигающую жидкость.

Гаврилов слегка опешил от такого оборота дела, но поступил в этот момент расчетливо и мудро. Он не бросился в драку, а попросту запер калитку и поспешно ретировался в дом,

ругая нас на ходу самыми последними словами. Куда-то исчез и пес – должно быть, забился в укромное место. Мы опять остались одни.

– Ух, как я напугалась! – призналась я Виктору. – Не понимаю, как люди обходятся здесь одними палками. По-моему, такого зверя даже рогатиной не возьмешь.

– Ну, сейчас он защищал свою территорию, – задумчиво произнес Виктор. – Однако поле боя, кажется, осталось за нами.

– Зато интервью сорвалось, – ответила я с досадой. – И наверняка окончательно.

– Зато кадры получились – пальчики оближешь! – заметил Виктор.

– Однако для полноценной статьи информации, пожалуй, маловато. Я предлагаю пройтись по окрестным участкам, – сказала я. – Глядишь, чего-нибудь и наберется. Встретимся с участковым, а потом вернемся в город и заглянем в суд, куда обращалась Токмакова. Отрицательная информация – тоже информация.

Виктор кивнул в знак согласия.

– Начнем с мисс Марпл? – спросила я. – Хотя нет, лучше обойдем тех, кто поближе. Кроме того, боюсь, как бы старушка нас не заговорила. Все-таки бывший адвокат. Да и вообще, по-моему, дело ясное. Вот только не пойму, откуда у этого типа такая собака? Не из Хабаровска же он ее привез?

Глава 3

Через несколько дней статья была напечатана. Мы расширили ее за счет информации, которую собрали также среди своих знакомых, соседей и просто прохожих на улицах нашего города – безответственное поведение хозяев опасных собак действительно приобрело характер серьезной проблемы, это становилось ясно из многочисленных рассказов потерпевших. Но, конечно, стержнем статьи являлся случай супругов Токмаковых, который был расписан подробно и красочно. Статья была иллюстрирована прекрасными снимками свирепого Рекса и не менее свирепого его хозяина с обрезком металлической трубы в кулаке.

Газета вышла, и мы стали ждать откликов наших читателей. Особенно мы рассчитывали на реакцию законодателей, судебных органов и милиции. К этим структурам мы обращались с прямым и ясным вопросом – как они намерены решать эту проблему. И они откликнулись, но весьма неожиданным образом.

Еще через два дня в редакции появился красиво постриженный молодой человек в черной рубашке и наглаженных светло-кремовых брюках. На его загорелом лице красовались модные солнцезащитные очки, а на запястье болталась кокетливая сумочка, в каких теперь мужчины носят деньги и документы. Пахло от него дорогим одеколоном, и двигался он расслабленной, но уверенной походкой, точно спортсмен на отдыхе.

Этой походкой он проследовал прямо ко мне в кабинет и снисходительным тоном объявил:

– Полянский Юрий Павлович, следователь Волжского отдела внутренних дел. Предъявить документы?

– Предъявите! – мстительно сказала я, не слишком очарованная его тоном.

Гость посмотрел на меня сквозь темные очки, слегка улыбнулся и полез в свою замечательную сумочку. Удостоверение подтверждало его слова.

– Чем обязана? – спросила я, указывая Полянскому на кресло.

Он уселся, поддернув брюки, и сообщил:

– Мне хотелось бы побеседовать с тем, кто готовил статью о собаках... В последнем номере у вас ведь была такая статья?

– Да, такая статья была, – ответила я. – Готовили ее трое – я, Кряжимский и наш фотограф. А что случилось, я могу узнать? Мы исказили какие-то факты? Господин Гаврилов обвиняет нас в клевете?

Мой вопрос почему-то развеселил следователя. Он опять улыбнулся и небрежно заметил:

– Пока вас никто ни в чем не обвиняет. Просто предварительная беседа. Мне не хотелось вызывать вас на допрос, тем более что делом этим займется, скорее всего, прокуратура. Но, поскольку все произошло на нашем участке...

Как уже говорилось, я рассчитывала на резонанс. Но чтобы собачьим вопросом занялась прокуратура – этого я никак не ожидала. Здесь было что-то не то.

– Объясните толком, что вас интересует! – сердито сказала я. – Что это значит – пока не обвиняет? И при чем здесь прокуратура?

Опять последовал изучающий взгляд сквозь пижонские очки, и Полянский не очень охотно, но веско произнес:

– Девятого июля, в промежутке между часом ночи и шестью утра, известный вам Гаврилов Дмитрий Анатольевич был убит.

Невольно я открыла рот и с ужасом уставилась на невозмутимого Полянского.

Такого продолжения я никак не ожидала, это было чересчур даже для меня. Поэтому мое восклицание прозвучало довольно наивно.

– Не может быть! – сказала я.

– И тем не менее это так, – категорически заявил следователь. – Теперь вы понимаете, насколько все серьезно?

– Да уж, – сказала я ошеломленно. – Серьезнее не бывает. Но что вас интересует конкретно?

– Все! – требовательно сообщил Полянский. – Все, от начала и до конца. Как вы вышли на Гаврилова, что побудило вас написать эту статью, о чем вы беседовали с покойным?.. И, кстати, неплохо было выяснить, имеется ли у вас алиби на день убийства.

– Ну, это уж вы хватили! – возмутилась я.

– Заметьте, – терпеливо сказал Полянский. – Пока я ничего от вас не требую. Пока мы с вами просто беседуем. Наличие алиби – в ваших интересах. Кто знает, как может обернуться дело.

– Ну, это уж слишком! – рассердилась я. – Вы имеете дело не с преступниками!

– Давайте не будем повторяться! – поморщился Полянский. – Я уже все сказал. Хотелось бы теперь послушать вас.

Я поняла, что передо мной человек совершенно непошибаемый, и лучший способ от него отделаться – это ответить на его вопросы. Неожиданный поворот событий требовал осмысления, но пока я никак не могла сосредоточиться и решила отложить все на потом, тем более что информации было явно недостаточно.

– Что касается ваших вопросов, – сказала я. – О чем мы беседовали с господином Гавриловым – изложено в статье слово в слово. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Собственно, и беседой-то назвать это трудно, вы согласны?.. Теперь, почему мы занялись этим вопросом и конкретно Гавриловым... Об этом тоже есть в статье. Мы ничего не скрывали. У супругов Токмаковых было несколько неприятных инцидентов с соседом по даче, они пытались как-то разрешить их, обращаясь в милицию и в суд, но, видимо, решили, что от публикации в газете будет больше пользы...

– Вот о Токмаковых, пожалуйста, подробнее, – сказал Полянский. – Вы хорошо с ними знакомы?

Я посмотрела на него с удивлением.

– Любовь Георгиевну я никогда прежде не видела, – ответила я. – Даже не подозревала о ее существовании. А ее супруга, конечно, видела три-четыре раза, когда выбиралась в театр. Я имею в виду – видела на сцене. Лично мы не знакомы.

– Часто бываете в театрах? – насмешливо поинтересовался Полянский.

– Не слишком. А вы? – холодно сказала я.

– Это неважно, давайте лучше поговорим о Токмакове, – предложил Полянский. – Вы с ним разговаривали, перед тем как писать статью?

– Нет, не довелось, – ответила я.

– Но вы беседовали с дачниками, насколько я понимаю, – заметил Полянский. – Кроме того, театралы обычно все знают о своих кумирах. Что за человек Токмаков? Какой у него характер, какие склонности, способен ли он на какие-то экстравагантные поступки?

– По-моему, вы меня не поняли, – сказала я. – Никогда не считала себя театралом, и Токмаков не является моим кумиром. Действительно, я беседовала с его соседями по даче, с женой, но мы не очень подробно разбирали личные качества Токмакова. Он известный артист, немного вспыльчив, выпивает, но пока самым экстравагантным поступком, который он совершил, является устройство цветников на собственном участке. Дачники считают это легкомыслием, по их мнению, выращивать нужно то, что можно съесть... Но вы, кажется, подозреваете именно Валерия Сергеевича в совершении этого преступления?

– Вы даже знаете, как его зовут? – удивился Полянский, уходя от ответа на мой вопрос.

– А что тут странного? – в свою очередь, удивилась я. – Полгорода знает, как его зовут. Однако вы не сказали...

– Верно, не сказал, – согласился Полянский. – Я не хочу торопиться с выводами, подозрениями... А вам этого делать вдвойне не рекомендую. Понимаете, поспешные выводы, неосмотрительно опубликованная статья, сенсация, высосанная из пальца. Все это только искажает и без того запутанную картину, электризует общественное мнение и, в конечном итоге, играет на руку преступникам. Взять хотя бы вашу заметку о собаках... Вы напечатали ее, и, пожалуйста, – убийство! А кому расхлебывать? Расхлебывать правоохранительным органам. Нужно быть ответственным, Ольга Юрьевна!

Этот самоуверенный тип умел раздражать людей. Я чувствовала, что начинаю закипать как самовар.

– Вы хотя и следователь, но причину и следствие явно путаете! – волнуясь, сказала я. – В нашей статье абсолютно ясно сформулирована проблема. Показаны ее истоки, намечены пути решения. Мы приглашали читателей принять участие в обсуждении. Но нигде, ни в едином слове, мы не призывали к убийствам. И мне очень странно слышать от вас обвинение в безответственности!

Полянский выслушал меня, даже глазом не моргнув, и тут же заметил с явным удовольствием:

– Это все слова, Ольга Юрьевна! А я предпочитаю иметь дело с фактами. А факт у нас налицо: статья – убийство. Вам это кажется простым совпадением? Ну а я не могу с этим согласиться. Если совпадение, то уж слишком многозначительное. Я бы сказал, роковое!

Мне осталось только руками развести.

– Не хочу влиять на следствие, – сказала я с иронией. – Но считать, что статья в газете спровоцировала убийство...

– Иногда одно неосторожное слово может привести к непредсказуемым последствиям, Ольга Юрьевна! – назидательно заметил Полянский. – А в данном случае слов было более чем достаточно!

– Ну, знаете! – возразила я. – Мне известно, что наша газета не вызывает у работников МВД особого энтузиазма, но подобные параллели проводятся впервые.

Полянский снисходительно улыбнулся.

– Ничего личного, Ольга Юрьевна! – бодро сказал он. – Ничего личного! Но вернемся к нашим баранам! После публикации кто-нибудь из ваших сотрудников вступал в контакт с героями статьи? Я имею в виду чету Токмаковых, самого Гаврилова или еще кого-то, причастного к делу?

– Нет, не вступал, – ответила я. – Мы планировали созвониться с Любовью Георгиевной, но пока не получилось. А встречаться с Гавриловым не было никакой охоты.

– Вы уверены? – спросил Полянский, пристально глядя на меня. – Подумайте хорошенько. Кто конкретно был на даче и общался с Гавриловым?

– Я была. И наш фотограф Виктор был. Он делал снимки.

– Насколько я помню... гм... из текста, – обронил Полянский, – он не только делал там снимки...

– Вы имеете в виду газовый баллончик, который мы применили в качестве самозащиты? – спросила я.

– Допустим, – кивнул Полянский. – Вы всегда так предусмотрительны?

– Учитывая информацию, полученную заранее, мы были готовы к тому, что на нас спустят собаку, – объяснила я. – Глупо было бы не подготовиться.

– Кто применял баллончик? – поинтересовался Полянский.

– Виктор, – ответила я. – Хочу сразу пояснить, что применялся он только против пса. С Гавриловым мы не сражались. Он, правда, угрожал нам, но в конфликт вступать не стал.

– Так-так, – задумчиво протянул Полянский. – А что за человек этот ваш Виктор?

– Очень хороший человек, – твердо произнесла я. – Надежный, выдержанный, настоящий профессионал. Между прочим, в прошлом служил в разведывательном взводе.

– Вот как? – оживился Полянский. – Армейский разведчик? Наверное, умеет обращаться со всякими видами оружия?

– Да уж, наверное, умеет, – сказала я. – А что, теперь вы его хотите записать в подозреваемые?

Полянский юмористически посмотрел на меня.

– Все-таки не зря МВД недолюбливает вашу газету, Ольга Юрьевна! – констатировал он. – Наверное, настораживает ваш чисто женский подход к делу. Мы же договорились не торопиться с выводами.

– Я-то не тороплюсь, – со вздохом сказала я. – А как убили нашего бедного Гаврилова?

Полянский значительно поджал губы.

– А вот этого, позвольте, пока не скажу, – заявил он. – Лучше расскажите мне еще раз, как происходила ваша встреча с Гавриловым. Со всеми подробностями, пожалуйста, не упуская ни одной мелочи.

Я рассказала. Полянский слушал меня бесстрастно, но очень внимательно. Когда я закончила, он удовлетворенно кивнул и сказал:

– А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы побеседовать с вашим фотографом наедине. Где это можно сделать?

Пришлось уступить ему кабинет. Я сделала это без особого удовольствия, но и не слишком огорчилась. Не в наших правилах мешать следствию, даже если оно нас и недолюбливает, тем более что и скрывать нам было нечего.

Узнав, что наш посетитель из милиции, Виктор только пожал плечами и уединился с Полянским в кабинете. Секретарша Марина, которая до последней минуты пребывала в некотором волнении, разочарованно надула губки.

– Я-то думала, в кои веки зашел интересный мужчина! – призналась она. – И вдруг оказывается, что это опять мент! Он со всеми будет беседовать, Ольга Юрьевна?

– Вряд ли, – ответила я. – Его интересуют сотрудники, которые общались с покойным Гавриловым.

Брови Кряжимского поползли вверх, а интеллигентное лицо выразило крайнее изумление.

– Как вы сказали, Оленька? Я не ослышался? Покойного?! Неужели вы имеете в виду того самого Гаврилова, который был героем нашего последнего материала?

– Увы, Сергей Иванович! – сказала я. – Того самого. Получилось так, что через два дня после выхода газеты этого возмутителя спокойствия прикончили. Следовательно говорит об этом очень туманно, но зато очень прозрачно намекает, что между двумя этими событиями существует какая-то связь. Ужасный пизжон!

Кряжимский наморщил лоб и сокрушенно покачал головой.

– Понимаю ваше возмущение, но... – он виновато улыбнулся. – Мне кажется, что в данном случае профессиональная интуиция его не подводит. Пожалуй, я готов с ним согласиться.

Кряжимский – наш самый опытный сотрудник, кладезь информации и интеллекта. Не прислушиваться к его мнению невозможно, но сейчас я почему-то заупрямилась.

– Что вы такое говорите, Сергей Иванович! – проворчала я. – Ну какая может быть связь? Его никто не трогал, несмотря на то, что со своей собакой он не давал проходу всему поселку. А после статьи вдруг сразу убили! Чепуха какая-то! Это же статья, а не индульгенция.

Кряжимский опять покачал головой. В упрямстве он тоже мог дать мне сто очков вперед.

– И все-таки какая-то связь есть! – решительно заявил он. – Пока не могу объяснить – какая, но если в этом деле хорошенько покопаться...

– Уже копаются, – сказала я. – Наверное, и прокуратура подключится. Уже спрашивали, какими видами оружия Виктор владеет.

– Какой ужас! – прошептала Марина, прижимая ладони к щекам. – Неужели они решили, что он – убийца?

– Вот это уж чистой воды чепуха! – уверенно заявил Кряжимский. – Видимо, следствие пока пребывает в некоторой растерянности и прощупывает все возможные варианты. А этих вариантов у них, скорее всего, совсем немного. Насколько я понимаю, Гаврилов жил здесь затворником и в контакт практически ни с кем не входил, если не считать соседей по даче и опять же нашей газеты. Но мы ведь многого о нем не знаем – что это за человек, зачем он сюда приехал, как договорился с хозяином дачи. А я подозреваю, что именно эти вопросы и являются основополагающими в этом деле. У меня предчувствие, что собачья история здесь вообще ни при чем, и если следствие пойдет по этому пути, то неизбежно зайдет в тупик.

– Что-то я вас не совсем понимаю, Сергей Иванович, – сказала я. – Сначала вы сказали, что между статьей и убийством наверняка есть связь, а теперь утверждаете совершенно обратное.

– Я ничего не утверждаю, Оленька, – мирно возразил Кряжимский. – Во-первых, я только лишь предполагаю, а во-вторых, тут нет никакого противоречия. Между статьей в газете и убийством связь есть, а между собакой и убийством ее нет. Собака не явилась мотивом убийства – я в это поверить не могу. Конечно, мы не знаем всех обстоятельств, но все равно такой вариант мне представляется маловероятным.

– Тогда что же? – спросила я. – Статья-то была о собаке! Вернее, о собаках...

– Позволю себе предположить, что статья могла быть о чем угодно, – сказал Кряжимский. – Решающим фактором здесь была фотография Гаврилова и его координаты, так я считаю. Кто-то искал этого человека, прочел газету, и вот, пожалуйста...

– То есть причины насильственной смерти, по вашему мнению, следует искать в прошлом этого человека?

– Мне кажется, это логично, – заметил Кряжимский.

– Но ведь Гаврилов не очень-то скрывался, – сказала я. – Нельзя сказать, что он вел себя тихо и осмотрительно. И потом, он предъявлял документы участковому. Если бы он числился в розыске, наверное, милиционер что-либо заподозрил бы...

– А почему вы решили, что Гаврилов числился в розыске? – возразил Кряжимский. – Совсем не обязательно. А если предположить, что скрывался он вовсе не от правосудия? Кстати, именно скрывался – я настаиваю на этом. Он практически не покидал своего убежища, не водил ни с кем компанию и пресекал все попытки контакта.

– М-м... пожалуй, в этом есть какое-то зерно, – задумчиво сказала я, вспоминая, каким показался мне Гаврилов при нашей короткой встрече. – Вы не собираетесь поделиться своими размышлениями с нашим гостем, Сергей Иванович?

– Не знаю, нуждается ли он в моих размышлениях, – скромно ответил Кряжимский. – Полагаю, он и сам неизбежно придет к подобным выводам, когда изучит все обстоятельства дела. Ведь он профессионал, и к его услугам вся правоохранительная машина, так сказать. Наши с вами возможности ограничены. Нужно искать того, кому было выгодно это преступление, а этот человек может находиться сейчас за сотни километров отсюда.

– Боюсь, что следствие предпочтет искать этого человека где-нибудь поближе. В разговоре, например, всплыла фамилия Токмакова.

Лицо Кряжимского сделалось озабоченным.

– В самом деле? – сказал он. – Тогда мои выводы тем более не устроят следствие. Нет, вы знаете, в данном случае я не рискну давать никаких советов – слишком ограниченная информация, которой мы располагаем. Пусть решают профессионалы.

– Однако хорошо мы будем выглядеть, если, взявшись помочь Токмакову, невольно подложим ему свинью! – заметила я.

– Ну, все это пока вилами на воде писано! – не слишком уверенно высказался Кряжмский.

Наше обсуждение было прервано появлением Полянского, который вышел из кабинета, помахивая своей сумочкой. На губах его бродила снисходительная улыбка. За ним шел Виктор, глядя в спину следователю довольно-таки скептическим взглядом. Полянский быстро оглядел нас всех и сказал:

– Ну что ж, нашей беседой я в каком-то смысле доволен. Благодарю за помощь. Возможно, мне еще понадобится с вами встретиться, так что, Ольга Юрьевна, не откажите в любезности, в случае чего, прибыть к нам. А теперь разрешите откланяться, меня ждут дела!

И он покинул наш офис, окончательно похоронив надежды Марины на общение с интересным мужчиной.

Едва он вышел, как Виктор довольно кисло сообщил:

– Меня расспрашивали, как я умею обращаться с ножом.

– Выходит, Гаврилова зарезали? – растерянno спросила я неизвестно кого.

Не говоря больше ни слова, я направилась к телефону и набрала домашний номер Токмаковых. Трубку сняли почти мгновенно, и я услышала испуганный, почти плачущий голос Любове Георгиевны.

– Здравствуйте, – сказала я. – Это Бойкова из «Свидетеля». Любовь Георгиевна, что случилось? У вас неприятности? К нам сейчас приходил следователь...

– Ольга Юрьевна, дорогая! – простонала Токмакова. – Это ужасно! Мне кажется, я схожу с ума! Что мне делать? Вы представляете, Валерия Сергеевича арестовали! Подумать только – его обвиняют в убийстве!

Глава 4

Плотно задернутые шторы на окнах, траурное одеяние хозяйки, ее заплаканное лицо невольно наводили на мысль, что в доме покойник. Хотя я точно знала, что это не так, мне все равно стало не по себе, когда мы с Любовью Георгиевной уединились в сумрачной гостиной. На мой взгляд, не стоило впадать в столь мрачное уныние, когда речь шла всего лишь об аресте. Вещь, конечно, неприятная, но далеко не смертельная. Однако Любовь Георгиевна, как это свойственно тонким натурам, воспринимала ситуацию так, будто проводила мужа в последний путь. К счастью, она не считала меня виновницей этой драмы, иначе вряд ли наша встреча могла бы состояться. Пожалуй, даже наоборот – Токмакова смотрела на меня с какой-то затаенной надеждой, словно я была единственным человеком, который знает, как вызволить из тюрьмы ее мужа и прекратить этот кошмар.

Я вовсе не была уверена в своем могуществе, но на всякий случай держалась уверенно и решительно. Ничего конкретного я пока не планировала, но одно было ясно: мне придется вмешаться в это дело, чтобы не чувствовать себя виноватой перед человеком, который обратился ко мне за помощью и именно с этой помощью попал в передрагу. Даже если Токмаков действительно виновен – мой долг по возможности облегчить его участь.

Любовь Георгиевна не торопилась начинать разговор, она была слишком растеряна. Вытирая глаза промокшим платком, она нервно затягивалась сигаретой, которая явно была в это утро не первой: пепельница на столе была полна окурков.

Ожидая, пока хозяйка соберется с силами, я, деликатно отвернувшись, рассматривала комнату. Как и следовало ожидать, некий богемный дух присутствовал в жилище Токмаковых. Гостиная была обставлена современной удобной мебелью, но здесь были и изысканные антикварные вещи: несколько бронзовых подсвечников на стенах, китайская напольная ваза из тонкого фарфора и резной столик, за которым мы сидели. Также я обнаружила несколько картин, написанных маслом, – скорее всего, руки местных мастеров, – театральную афишу спектакля «Мастер и Маргарита» и еще огромную хрустальную люстру у себя над головой, многочисленные подвески которой начинали тонко и неумолчно звенеть, как только за стенами дома прокатывался по рельсам очередной трамвай.

– Господи! Ольга Юрьевна, дорогая, простите меня! – неожиданно сказала плачущим голосом Токмакова. – Я совсем сама не своя сегодня. Даже не предложила вам ничего! Может быть, выпьете кофе, чаю?

– Пожалуйста, не волнуйтесь! – сказала я. – Мне ничего не нужно. Если разрешите, я тоже закурю, и давайте поговорим о деле. Время дорого.

– Да-да, конечно, курите! – засуетилась Токмакова, придвигая ко мне поближе пачку «Мальборо», настольную зажигалку и пепельницу.

– Спасибо, у меня свои, – возразила я, доставая из сумочки пачку сигарет.

Закурив, я вопросительно посмотрела на Любовь Георгиевну. Ее большие пронзительные глаза были полны муки. Принужденно улыбаясь и нервно ломая пальцы, она потерянно спросила:

– С чего же начать? Даже не знаю... У меня все путается в голове.

– Начните с того момента, как мы с вами расстались, – предложила я. – Ведь мы с тех пор больше не виделись. К сожалению! Может быть, если бы мы хотя бы созвонились в эти дни, все было бы совсем по-другому.

– Да-да, наверное! – жалобно произнесла Любовь Георгиевна. – Наверное, этого бы не случилось. Однако что же было в этот период? Я совершенно ничего не могу вспомнить! А знаете, ничего выдающегося, кажется, и не было. Я как раз закончила статью для одного московского журнала. Валерий Сергеевич был занят в спектакле, на даче мы не были ни разу...

Потом вышла газета с вашей статьей. И вы знаете, – она немного оживилась, – она мне понравилась! Очень острая статья. И проблема обозначена совершенно четко и недвусмысленно. Наверное, на эту публикацию откликнутся многие. Правда, Валерий Сергеевич отреагировал со свойственным мужчинам пессимизмом – сказал что-то в том смысле, что слова теперь ни на кого не действуют. Но я все-таки думаю, что он не прав.

Тут она замолчала, болезненно сморщившись и прижав ко лбу тонкие белые пальцы. Потом лицо ее просветлело.

– Потеряла нить, извините! – сказала затем Любовь Георгиевна. – Итак, вышла газета, а на следующий день Валера был свободен, и мы решили все-таки съездить на дачу – посмотреть, что и как, да и отдохнуть заодно. Валера еще шутил, что, если собака опять нападет на нас, мы читаем вслух газету. Вот и сглазил!

Любовь Георгиевна внезапно и обильно прослезилась, и мне пришлось некоторое время ее успокаивать, прежде чем она сумела продолжить свой рассказ. Наконец слезы высохли, и Токмакова, снова извинившись, заговорила:

– Конечно, Валерия Сергеевича можно осуждать. Наверное, стоило бы вести себя в той обстановке иначе, но, в конце концов, мы такие же граждане и имеем равные права, – она умоляюще посмотрела на меня, словно упрасывая хранить страшную тайну. – Валерий Сергеевич вечером немного выпил, чтобы расслабиться, снять стресс. Увы, актеры далеко не безгрешны! Но если бы люди знали, как тяжело это – постоянно менять обличье, рвать душу перед зрителем! Ведь артист проживает не одну жизнь, как мы с вами, он проживает десятки, сотни жизней!.. Но я, кажется, отвлеклась...

Она немного помолчала, потом обреченно махнула рукой.

– Я, собственно, не одобряю этого, но что поделать?... Поздно что-то менять, верно? В общем, до дачи мы добрались без приключений. Я немного повозилась в саду... Дело шло к вечеру. И тут Валерию Сергеевичу пришло в голову сходить в магазин! Ну, вы меня понимаете... Я не могла отпустить его одного. Мы пошли вдвоем. Кстати, до сих пор наш агрессивный сосед не подавал никаких признаков жизни, и мы как-то совсем позабыли о его существовании. Он напомнил о себе, когда мы уже возвращались обратно. Разумеется, он был со своим ужасным псом. А дорожки между дачами вы сами видели какие. Разойтись просто невозможно.

– Собака опять набросилась на вас? – с тревогой спросила я.

– Она сделала такую попытку, – кивнула Любовь Георгиевна. – Но, знаете, муж был настроен весьма решительно и к тому же был в некоторой эйфории. Он подобрал с земли палку и весьма чувствительно огрел пса. Тот вынужден был отступить.

Зато его хозяин стал проявлять активность. Он был, как всегда, то ли пьян, то ли с похмелья и очень зол. Он пригрозил мужу, что за собаку голову ему оторвет. К сожалению, Валера ответил ему тем же. Они начали переругиваться и выкрикивать ужасные угрозы. Сцена была безобразная. Представьте, два здоровых мужика кроют друг друга матом, размахивают руками, собака оглушительно лает. Подозреваю, что смотреть на нас сбежалась вся округа. И тут муж совершенно неосторожно пообещал этому типу убить его. Да-да, прямо так и сказал! Это он-то, который даже мухи не обидит! Но слово – не воробей... С этой дурацкой палкой он готов был немедленно броситься в драку – я его еле удержала. В общем, кое-как мне удалось их развести. Гаврилов с собакой отправился дальше, а мы вернулись на дачу. Муж был очень возбужден и никак не мог успокоиться. Но я прошу вас мне поверить – к тому, что произошло дальше, он не имеет ни малейшего отношения! Всю ночь он был у меня на глазах. Он опять выпил и, извините, отключился. Проспал всю ночь на диване, не раздеваясь, и ни на секунду не отлучался. Вы мне не верите?

– У меня нет никаких оснований вам не верить, Любовь Георгиевна, – чистосердечно ответила я. – Не волнуйтесь и рассказывайте дальше.

– Дальше, собственно, и рассказывать-то нечего, – устало произнесла Токмакова. – Рано утром мы встали и пошли на автобус – своей машины у нас нет. Валера неважно себя чувствовал, но собирался на репетицию. Мы даже не ожидали... Ничего особенного мы ночью не слышали – я не слышала, а я сплю очень чутко – ни криков, ни стука, ничего. В общем, муж ушел в театр, а часов в двенадцать ко мне пришли. Сказали, что муж арестован по подозрению в убийстве, и потребовали, чтобы я рассказала, где мы были этой ночью. Я разволновалась, и, наверное, рассказ мой был не слишком убедителен. У меня создалось впечатление, что милиция не поверила ни единому моему слову. Они меня особенно ни во что не посвящали, но по намекам стало ясно, что нашего соседа ночью зарезали на даче. Кстати, и эту злосчастную собаку тоже. Но, послушайте, какой сноровкой нужно обладать, чтобы убить ножом такое злобное животное! Неужели непонятно, что обычный человек на такое не способен? Я пыталась убедить в этом горе-сыщиков, но они едва не подняли меня на смех. Сыграло роковую роль то, что Валерий Сергеевич проявил несдержанность в разговоре с этим несчастным. Его угрозу убить Гаврилова слышал весь дачный поселок. Разумеется, люди сообщили об этом в первую очередь. Ведь многим доставляет странное удовольствие унижить того, кто как-то выделяется из толпы. Подумать только – артист Токмаков убил человека, вы слышали?

– Мне кажется, вы немного преувеличиваете, Любовь Георгиевна, – мягко сказала я. – Конечно, вы очень расстроены, но, согласитесь, рассказав следователю о том, что они слышали, люди выполнили свой гражданский долг. Без свидетелей невозможно осуществлять правосудие, Любовь Георгиевна. И никакого унижения я тут, простите, не вижу. Просто Валерий Сергеевич повел себя несколько неосторожно.

– Наверное, вы правы, – с горестным вздохом сказала Токмакова. – Но ведь теперь Валера погиб! Я как представлю его в тюремной камере, рядом с отпетыми уголовниками...

– Не давайте волю своему воображению! – строго сказала я. – Что это за слова такие – погиб?! Истина все равно выйдет наружу, иначе и быть не может. Я обещаю вам, что все будет сделано, чтобы добиться этой истины!

– Я вам верю, – без энтузиазма произнесла Любовь Георгиевна. – Но ведь вы сами знаете, как сейчас работает милиция.

– Уверяю вас, не так уж плохо она работает! – решительно сказала я. – Не стоит руководствоваться слухами.

– Не говорите мне! – перебила меня Токмакова. – Им главное – состряпать дело, чтобы оно не превратилось в «висяк», а кто будет наказан – их совершенно не интересует!

– Вы насмотрелись сериалов, – сказала я. – Валерий Сергеевич известный в городе человек! Неужели вы думаете, что на него будет так просто повесить это убийство? Да ни один недобросовестный следователь на это не пойдет! Ведь за актером Токмаковым весь коллектив театра!

– Да? – жалобно сказала Любовь Георгиевна. – А знаете, сколько у Валерия Сергеевича недоброжелателей!

– Любовь Георгиевна! – укоризненно заметила я. – О чем вы говорите? В такие минуты люди проявляют свои лучшие качества, и все распри отходят на задний план.

– Вы не знаете театра! – вздохнула Токмакова.

Я не стала спорить. По-видимому, Любовь Георгиевна была убежденной пессимисткой. Убедить ее можно было только конкретными делами, но пока я не представляла, что следует предпринять.

– Ну, хорошо, – сказала я примирительно. – Давайте попробуем во всем разобраться. Гаврилов был убит в ночь на девятое июля. Как вам намекнули – да и нам, кстати, тоже, – убит ножом. Вы ничего не слышали и не видели. Но постарайтесь припомнить: когда вы утром покидали дачу, может быть, заметили что-то необычное? Ведь Гаврилов жил напротив вас.

– Абсолютно ничего! – с сожалением сказала Токмакова. – Ничего необычного. Да нам не было ни до чего дела. Валерий Сергеевич скверно себя чувствовал, а я на него сердилась. И мы спешили на автобус. Пожалуй, даже попадись нам в этот момент убийца, мы и его бы не заметили. Впрочем, я тут преувеличиваю, конечно. Если бы мы кого-то увидели, я бы непременно запомнила. Но вот если, скажем, кто-то просто зашел за куст, он вполне мог остаться незамеченным. Вообще я как-то путано объясняю, да?

– Нет, все достаточно ясно, – сказала я. – Но, может быть, еще что-то вспомните?

Любовь Георгиевна задумалась, а потом просияла.

– Господи, как же я забыла! Сегодня у нас на даче должен быть обыск. Меня просили никуда не отлучаться – за мной заедут.

– Что же они не провели обыск сразу же? – недовольно заметила я.

– У них не было санкции, что ли, – неуверенно ответила Токмакова. – Но я нисколько не переживаю из-за этого обыска, Ольга Юрьевна. Сами посудите, ну что у нас искать? Неудобно только – на даче беспорядок оставили. Бутылки пустые... Пойдут разговоры, неприятно!

– Это далеко не самое неприятное, Любовь Георгиевна, – возразила я. – И переживать из-за этого беспорядка, как вы говорите, именно не стоит. Вот только бы...

Токмакова посмотрела на меня с тревогой, но я предусмотрительно оборвала фразу и постаралась изобразить на лице беспечную мину.

– Вы чего-то опасаетесь? – почему-то шепотом спросила Любовь Георгиевна.

– Нет-нет, ничего, – поспешно сказала я. – А вы, случайно, не знаете, кто же обнаружил, что Гаврилов убит? Насколько я понимаю, к нему редко кто заглядывал. Мне кажется странным, что труп обнаружили так скоро. А вам?

Тревога в глазах несчастной женщины, пожалуй, даже возросла, и она по-прежнему шепотом ответила:

– Да, я сама думала об этом. Но мне ничего не сказали – наверное, это тайна следствия?

– Наверное, – согласилась я. – Но я постараюсь раскрыть эту тайну. Знаете, что я сейчас, пожалуй, сделаю? Я поеду туда, в дачный поселок, и поприсутствую при обыске. Заодно еще разок побеседую с соседями. Следствие следствием, а нам устраняться грех. Я беру это дело под свой контроль. И вы можете на меня рассчитывать.

– Значит, вы мне все-таки верите? – благодарно произнесла Любовь Георгиевна. – Я так рада, что хотя бы один человек...

– Не один, Любовь Георгиевна! – строго сказала я. – Считайте, что все здравомыслящие люди на вашей стороне. И, вот увидите, это чудовищное недоразумение обязательно разрешится!

– Но что же мне сейчас делать? Посоветуйте! Это так невыносимо – пребывать в неизвестности!

– Прежде всего откройте шторы, – сказала я. – Проветрите комнаты. Примите холодный душ и хорошенько поешьте. Можете даже выпить граммов сто коньяка. А главное, не падайте духом и настройтесь на борьбу!

– Да-да, вы абсолютно правы! – воскликнула Любовь Георгиевна, горячо пожимая мне руку. – Я буду держаться.

– Вот и отлично, – ободряюще сказала я. – Мы будем постоянно поддерживать с вами связь.

Когда мы расстались и я на улице усаживалась в свою «Ладу», к дому подъехала «Волга» с казенными номерами, и из нее выскочил молодой человек в голубой милицмейской рубашке с погончиками, но без головного убора на светлой вихрастой голове. Сверившись с адресом, записанным в книжке, милиционер бодрым шагом направился именно в тот подъезд, где жили Токмаковы. Я поняла, что за Любовью Георгиевной приехали, чтобы отвезти ее на дачу.

Следовало торопиться, чтобы не пропустить самого интересного. Я немедленно поехала в район Затона, по дороге размышляя над тем, какие сюрпризы могут ожидать нас дальше.

Чтобы окончательно не расстраивать Токмакову, я не стала высказывать при ней своих опасений. Однако они были. Вспомнив утверждение Кряжимского, что между статьей в газете и убийством имеется некая, но определенная связь, я вдруг подумала, что именно во время обыска на даче Токмаковых эта связь может обнаружить себя самым неожиданным образом. Ведь если предположить, что неизвестный преступник руководствуется в своих действиях информацией, изложенной в статье, то, вполне возможно, он попытается извлечь выгоду из конфликта Гаврилова и Токмакова, чтобы отвести внимание от своей персоны. Особенно если эта персона проживает где-то по соседству. Наверняка он воспользуется случаем подбросить какие-то улики против Токмакова. Это будет тем более выгодно, что на того уже пало подозрение.

Но пока это были одни догадки. Вполне могло быть и так, что обыск на участке Токмаковых ничего не даст, и тогда действительно не из-за чего переживать.

В виновность Токмакова я нисколько не верила. Даже по тем отрывочным данным об убийстве, которые я получила, становилось ясно, что Гаврилова и его собаку прикончили без особого шума и усилий, хотя в качестве орудия убийства использовался всего лишь нож. Представить себе, что популярный актер столь профессионально владеет этим весьма специфическим видом оружия, было выше моих сил. Возможно, он сумел бы изобразить это на сцене – так, что кровь застыла бы в жилах у благородных зрителей. Но совершить это в жизни – да так ловко, что труп обнаружили только утром, когда Валерий Сергеевич спокойно отправился в театр, – нет, иначе как абсурдом это нельзя было назвать.

Кажется, мне все-таки удалось опередить «Волгу», на которой везли Любовь Георгиевну. Когда я подъехала к дачному поселку, то первым впечатлением было то, что здесь абсолютно ничего не изменилось. Пышная зелень садов, неподвижная гладь Волги в серебряных блестках, горячая пыль на дороге и полное безлюдье вокруг.

Но это впечатление было только кажущимся. Когда я остановила машину на повороте и пешком двинулась в сторону дачи Токмаковых, впереди я вдруг увидела милицейский «УАЗ» с распахнутыми дверцами. Он стоял как раз там, где дорожка сворачивала к участку Токмаковых. Судя по всему, часть оперативной группы уже прибыла на место.

Окончательно я убедилась в этом, когда, пройдя по дорожке, приблизилась к знакомому забору, из-за которого доносился великолепный аромат цветов. Здесь, возле калитки, я обнаружила уже знакомые лица.

Помимо двух милиционеров, я увидела отставного полковника Боровских, ради торжественного случая облачившегося в белую рубашку навыпуск, и Софью Андреевну Либерман, ничего в своей дачной внешности не изменившую. Видимо, они должны были сыграть роль понятых.

Софья Андреевна, заметив меня, приветливо помахала рукой, зато полковник сделал вид, что видит меня впервые в жизни. На меня это не произвело особого впечатления, потому что в этот момент откуда-то из-за кустов вынырнула знакомая фигура в черной рубашке и кремовых брюках. Солнцезащитные очки тоже были на месте, но даже они не смогли скрыть выражения досады, которое появилось на лице Полянского.

– Ольга Юрьевна! – строго произнес он, шагая мне навстречу. – Что вы здесь делаете?

– Разве не видите – я тут прогуливаюсь, – невинно сообщила я. – Разве это запрещено?

Полянский осуждающе покачал головой и произнес неодобрительно:

– Уже побывали у Токмаковых! Вы занимаетесь не своим делом, Ольга Юрьевна!

– Категорически с вами не согласна! – возразила я. – Именно за это дело я чувствую особую ответственность.

Полянский сумрачно посмотрел на меня и пригрозил:

– Мы ведь можем повести разговор иначе, Ольга Юрьевна! Не забывайте, что в отношении вас и ваших сотрудников имеются вполне определенные подозрения!

– Да бросьте, Юрий Павлович! – миролюбиво сказала я. – Вы же сами в это не верите. Полянский обиженно посопел, а потом неожиданно произнес:

– Ну, допустим, не верю. И что из этого? У меня есть версия, которую я намерен разрабатывать. Советчики и соглядатаи мне не требуются!

– Вы имеете в виду Токмакова? – спросила я. – Это абсурд. Он не убийца.

– Вы как будто знаете, кто убийца, – язвительно заметил Полянский. – Может быть, поделитесь?

– В нашей редакции сложилось мнение, что убийство как-то связано с прошлым покойного, – сказала я. – Почему бы вам не отработать эту версию?

– Спасибо за совет, – холодно отозвался Полянский. – Но такие вещи проверяются в первую очередь. За Гавриловым нет ничего криминального. Он чист. Обычный инженеришка с неудавшейся карьерой и несложившейся личной жизнью. Вы довольны?

– А как он оказался на этой даче? – задиристо спросила я.

– Это мы тоже выясняем, – усмехнулся Полянский. – Списался с Порошковым, с которым дружит с институтской скамьи. Мы нашли даже последнее письмо Порошкова, где он дает добро на проживание на его даче.

– Ну, хорошо, а где он взял ключи? – не отставала я. – Откуда у него собака? Он ее с собой привез?

– Про собаку ничего не знаю, – хмуро ответил Полянский. – А ключ... Порошков в письме распорядился, чтобы Гаврилов обратился за ключом к некоему Тимохе. Сейчас мы пытаемся установить координаты этого Тимохи, отправили запрос в Алжир. Но на это потребуется время.

– Зато на то, чтобы засадить в кутузку известного артиста, никакого времени не надо! – подхватила я. – И легко, и красиво, и можно перед начальством отчитаться, верно? – Наверное, не следовало этого говорить, но я уже завелась.

Неожиданно для меня Полянский не стал возмущаться. Он только нервно оглянулся на своих подчиненных и сказал с упреком:

– Ольга Юрьевна, согласитесь, я вообще не обязан посвящать вас в свои планы, и вообще вам здесь, по большому счету, нечего делать. Тем более никаких оснований у вас нет делать мне подобные заявления. Но просто из симпатии к вам... Совершенно неофициально, по-дружески, прошу вас обратить внимание вот на что. Актер Токмаков находился в конфликте с Гавриловым? Находился! Накануне убийства была между ними ссора? Была! Угрожал Токмаков расправиться с Гавриловым? Угрожал – это подтверждено многочисленными свидетелями. Мог я проигнорировать эти факты? Ясно – не мог! Поэтому прошу вас не мешать мне работать. Мы во всем разберемся.

Но я вовсе не собиралась мешать ему работать. Я только собиралась помешать ему сделать роковую ошибку. А сердце подсказывало мне, что он совершит ее неминуемо. Но разговор наш, к сожалению, не мог быть продолжен. Со стороны дороги уже шла новая группа людей, среди них находилась взволнованная Любовь Георгиевна.

Полянский сделал нетерпеливый жест и пошел ей навстречу.

– Юрий Палыч! Один только вопрос, – окликнула я его. – Объясните мне, кто обнаружил труп.

– Вы опять за свое! – с досадой бросил Полянский. – Я же вас просил!

Не говоря более ничего, он зашагал прочь. Кажется, я разочаровала его окончательно. Можно было сказать, что мои отношения со следствием зашли в тупик. Поэтому я не стала больше лезть на рожон и, пока на даче Токмаковых шел обыск, скромно скрылась в тени

окрестных садов. Я не торопилась – у меня было предчувствие, что Софья Андреевна обязательно посвятит меня в результаты этой акции.

Обыск продолжался около часа. Потом его участники начали появляться на дорожке. Официальные лица выглядели деловитыми и невозмутимыми. Понятые показались мне несколько растерянными. На Токмаковой вообще лица не было. Из этого я заключила, что обыск преподнес какой-то новый сюрприз.

Любовь Георгиевну увели, и через некоторое время из-за деревьев донесся шум отъезжающих автомобилей. Отставной полковник побрел к себе на дачу, и тогда я окликнула Софью Андреевну.

Увидев меня, она страшно обрадовалась и, наклонив голову, украшенную панамой, поспешила мне навстречу. Подойдя ближе, она взволнованно схватила меня за руку и трагически прошептала:

– Ну что, милая, вы уже слышали, какой ужас у нас здесь творится?! Кто бы мог подумать? Бедный Валерий Сергеевич! И знаете, что я вам скажу, – это все водка виновата!

– Водка? – удивилась я.

– Только она! – убежденно заявила Софья Андреевна. – Ведь он, бедолага, был в тот вечер такой пьяный! Совершенно себя не контролировал! В таком состоянии человек на все способен.

– Так вы тоже думаете, что убил Токмаков? – спросила я.

Софья Андреевна подозрительно оглянулась, потом приблизилась ко мне вплотную и опять зашептала:

– Честно вам скажу, до последней минуты я сомневалась! Но вы представляете, что сейчас нашли у Валерия Сергеевича на даче? Огромный нож! – В ее округлившихся глазах плескался ужас. – Острый, как бритва, – и на нем засохшая кровь! Лежал на клумбе... Любовь Георгиевна, бедняжка, лишилась чувств, а главный милиционер сказал: «Та-а-к!» Они спрятали этот нож в прозрачный мешок. Мы с Тимофеем Ивановичем подписали бумаги, какие нужно. Кто бы мог подумать, я вас спрашиваю?

– Действительно, кто? – отозвалась я. – Но что, собственно, думать? Вы видели, как Токмаков орудовал этим ножом в тот роковой вечер?

– Никто не видел, милая, никто! – горячо заговорила Софья Андреевна. – В том-то все и дело. Почему все и удивились. Вечером-то эти двое ругались – это все слышали. А потом все разошлись по дачам, и до самого утра было тихо.

– Совсем-совсем тихо? – уточнила я.

– Ну, я-то вообще ничего такого не слышала, – неуверенно сказала Софья Андреевна. – Лисицын Федор Ильич вроде слышал, как залаяла собака ночью, но сразу перестала. Он и значения не придавал, а утром глянул через забор – собака в траве лежит, мертвая. Федору Ильичу любопытно стало, он решил поглядеть, не случилось ли чего. Перелез через забор – у него дача рядом...

– Постойте! – сказала я. – Так это Лисицын труп обнаружил? Он сейчас здесь?

– Здесь, милая! – вздохнула Софья Андреевна. – Страшно, конечно, после всего этого, но нам, пенсионерам, куда деваться? Дачу не бросишь – самый сезон!

– Софья Андреевна! – решительно сказала я. – Проводите меня к Лисицыну. Мне обязательно нужно побеседовать с этим человеком!

Глава 5

Лисицын оказался благообразным, совершенно седым, но еще весьма бодрым человеком лет шестидесяти пяти. Когда мы с Софьей Андреевной зашли в калитку, он возился в сарае, служившем ему, по-видимому, мастерской. Оттуда доносился звон металла и скрежет напильника. На зов Софьи Андреевны он откликнулся сразу и вышел из сарая с двуручной пилой в руках, шурясь от яркого солнца.

– Добрый день, Федор Ильич! – затараторила моя спутница. – Все в трудах и заботах? А мы вот вам мешать пришли. Не прогоните?

– Добрый день! – приветливо сказал хозяин, отставляя пилу в сторону и направляясь к нам. – Что ж вы такое говорите? Как можно прогнать таких очаровательных женщин? Не только не прогоню, а даже угощу! У меня осталось немного прошлогоднего вина.

Несмотря на возраст, он выглядел легким в движениях, а под распахнутой голубой рубашкой были видны жесткие бугры мышц, обтянутые загорелой кожей. На лице, покрытом крупными морщинами, сохранялось постоянное доброжелательное выражение.

Софья Андреевна представила меня, и Федор Ильич тут же радостно объявил:

– А я ведь вашу газету читал! Нет, в самом деле, читал! Как сейчас помню, жуть какая-то – мальчику отрезали голову... или наоборот, что ли?

Софья Андреевна ахнула и с ужасом посмотрела на него.

Мне никакой мальчик на память не приходил, но на всякий случай я улыбнулась Федору Ильичу ободряюще. Он удовлетворенно покивал головой и повел нас к себе на веранду.

Там он усадил нас за стол и, не слушая никаких возражений, отправился за вином. Вернулся он быстро с двумя чистыми стаканами и трехлитровой банкой, в которой плескался прозрачный рубиновый огонь.

– Это из малины, – строго объявил Федор Ильич, разливая огонь по стаканам. – Урожай прошлого года. Прошу продегустировать!

У меня не хватило духу отказаться, но, отведав вина, я не пожалела об этом. Оно было терпким, необычайно вкусным и пахло летним садом.

– Великолепно! – сказала я абсолютно искренне.

Федор Ильич был чрезвычайно доволен. Поэтому дальнейшая беседа протекала без малейших затруднений. Хозяин охотно ответил на все интересующие меня вопросы.

– Верно, собака ночью шебурилась! – подтвердил он. – Рычала и даже тявкнула раза два... А потом будто подавилась, и стало тихо. Спал я в ту ночь крепко, честно скажу, но, думаю, если бы у соседа была драка, я бы услышал. У стариков сон чуткий. Значит, драки никакой не было. А из этого я заключаю, что Токмаков никак его убить не мог!

– А ты знаешь, Федор Ильич, сейчас на даче у Любови Георгиевны чего нашли? – торжествуя сказала Софья Андреевна. – Представь себе, нож – и весь в крови!

Лисицын посмотрел на соседку строго и внимательно.

– Ничего это не значит – нож! – презрительно заявил он. – Нож кто угодно подбросить мог. А Токмаков не убивал – и точка!

– Почему вы так думаете, Федор Ильич? – спросила я.

– Ну, посудите сами, Ольга Юрьевна! – степенно заговорил Лисицын. – Токмаков в ту ночь совсем хороший был. Я его видал – совсем никакой! Так ответьте мне, каким образом он в таком состоянии мог без всякого шума зарезать здорового мужика да еще и злобного кобеля в придачу? А, не можете ответить!

– Однако следствие придерживается, кажется, противоположного мнения?

– А что следствие? – скептически заметил Федор Ильич. – У них свои заморочки. Сроки, отчеты, рапорта по начальству... Они люди казенные. А я, когда утром во двор к Порошкову заглянул, сразу понял, что гости побывали. А уж когда в дом зашел...

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, – попросила я.

– Да что рассказывать! – махнул рукой Лисицын. – Любопытство подвело! У меня в конце двора емкость с водой стоит, впритык к забору. Ну, я поутру на эту емкость залез и к соседу заглянул – предчувствие у меня какое-то было. Смотрю, собака в траве валяется и калитка вроде не заперта. Что собака неживая, я сразу понял. А вдруг, думаю, что и с соседом случилось? Взял для храбрости с собой топор и туда!

– И как у тебя, Федор Ильич, духу хватило! – с упреком сказала Софья Андреевна.

– Сам не знаю, – ответил Лисицын. – Говорю же, наитие какое-то было. Так, представьте себе, у собаки горло было пополам перехвачено – одним махом! И вы скажете, что интеллигент, лицо творческой профессии на такое способен? Да никогда!.. А сам Гаврилов? Когда я в дом заглянул, он в дальней комнате лежал. Глаза в потолок, а на груди – маленькое пятнышко крови, и более ничего. То есть один взмах кинжала – и дух вон. Говорю вам, мастер работал! И мало того, что он убил, он чего-то в доме искал! Все там было перевернуто вверх дном. Милиция вроде это расценила как следы борьбы. Да какая там борьба! Не борец был покойник. Потому и собаку у себя держал. Только не помогло ему ничего.

– Значит, вы, Федор Ильич, подозреваете, что это сделал кто-то посторонний? – спросила я. – Кто же это мог быть? Может быть, вы замечали, кто навещал Гаврилова?

– Наверное, кто-нибудь навещал, – ответил Лисицын. – Но я этого не видел. По ночам иной раз что-то слышал – калитка стукнет, собака залает, голоса какие-то... Но точно ничего сказать не могу. Кто-то бывал, а кто – не знаю.

– Следовательно об этом сообщили? – поинтересовалась я.

– А как же! Скрывать мне нечего, – рассудительно ответил Федор Ильич. – Но это дело темное. Пока в нем разберутся, намучается Валерий Сергеевич. В тюрьме всегда не сахар, а нынче особенно.

– Постойте, – сказала я. – Но кто-то ведь мог видеть людей, приходивших к Гаврилову? Или, во всяком случае, одного человека? Ведь кто-то должен был предоставить Гаврилову ключ от чужой дачи?

– Это вы верно сказали, – согласился Лисицын. – Порошкова-то, чья дача, я знал лично. Но он сюда да-авно носа не показывает. А вот кому он поручил наблюдать за хозяйством – не скажу. Вроде появлялся тут пару лет назад молодой человек, но я даже пообщаться с ним не сумел. Как появился, так и исчез.

– А кто все видеть мог, я вам уже говорила! – вдруг вмешалась Софья Андреевна. – Вы бы к ней наведались, Ольга Юрьевна!

– Мисс Марпл? Точно-точно! – заулыбался Лисицын. – Эта уж вас заговорит. Расскажет и что было, и чего не было! – И тут же, заметив, что мой стакан уже пуст, поспешно поднялся из-за стола. – Еще винца, Ольга Юрьевна?

– Нет, благодарю вас, – сказала я, тоже вставая. – Напиток просто божественный, нектар! Но, к сожалению, мне надо идти. Как и вы, придерживаюсь мнения, что Токмаков пострадал незаслуженно. Но это нужно еще доказать. А к вам обязательно загляну как-нибудь!

– Ага, заходите, – радушно предложил хозяин, провожая меня до калитки. – Через пару недель я угощу вас вином из нового урожая. Такого вы еще не пробовали!

Потом он вернулся на веранду к Софье Андреевне, где они, видимо, продолжили дегустацию прошлогоднего урожая, а я отправилась на свидание с местной мисс Марпл.

Не решившись пробираться запутанными тропками, я думала выйти сначала на общую дорогу. Но предварительно мне захотелось еще раз взглянуть на дачу Порошкова. Обойдя забор, я вышла к тому месту, где совсем недавно собиралась группа, проводившая обыск.

Осмотр убедил меня, что дом Порошкова и даже калитка опечатаны. В последнем случае это была чистая формальность – перемахнуть через забор не составляло никакого труда. Однако я очень сомневалась, что среди буйных зарослей можно отыскать что-то интересное.

Но ведь, как утверждает Лисицын, кто-то перевернул вверх дном весь дом – значит, он что-то искал! Я была убеждена, что этот «кто-то» не является обычным дачным воришкой – его не остановило ни наличие многочисленных соседей, ни свирепый ротвейлер. Какой-то ключ к разгадке мог дать осмотр места происшествия, но тут я не строила иллюзий: Полянский не намерен делиться со мной информацией. Сам же он, судя по всему, будет интерпретировать любые факты так, как ему выгодно. Если я не сумею предложить ему другую версию, безукоризненную и вескую.

Спустившись к дороге, я немного прошла вдоль Волги, держа курс на островерхую красную крышу. В голове у меня слегка шумело от малинового вина и жаркого солнца, которое заливало всю округу золотым, тягучим, как сироп, сиянием. Везде царила ленивая тишина, и опять лишь стрекозы шуршали иногда над ухом прозрачными крыльями да звенели в горячей траве у дороги.

Признаться, я не особенно рассчитывала получить какую-то новую информацию. Все-таки мисс Марпл – героиня вымышленная, и вряд ли возможно, что где-то в российской глубинке существует ее реальное воплощение. Я вполне допускала, что эта женщина с удовольствием ведет наблюдение за соседями, но удастся ли извлечь рациональное зерно из результатов этих наблюдений – мне представлялось весьма сомнительным. Смущал меня также и возраст старушки: что ни говори, а восемьдесят лет – не шутка.

В таких не слишком обнадеживающих раздумьях я добралась до двухэтажной «башни», оказавшейся при ближайшем рассмотрении довольно уродливым, узким строением, сколоченным из толстых плохо оструганных досок. Судя по всему, на первом этаже помещалась кухня. В жилую комнату наверх вела деревянная довольно крутая лестница с перилами – для восьмидесяти лет, на мой взгляд, упражнение непосильное.

Участок у Клавдии Дмитриевны – наконец я вспомнила, как зовут мисс Марпл на самом деле – был совсем небольшой. Десяток яблонь, среди которых преобладал белый налив, небольшой малинник и пяток грядок помидоров. Однако все находилось в идеальном порядке, было тщательно обработано, ухожено, и даже растения казались больше и здоровее, чем на соседних участках.

Сама хозяйка выглядела тоже совсем неплохо. Я заметила ее невысокую полноватую фигуру в глубине участка. Клавдия Дмитриевна суежилась около дверей кухни, откуда разносился аромат кипящего на огне варенья.

Калитка была открыта, и я без колебаний вошла, постаравшись, однако, погромче хлопнуть створкой, чтобы привлечь к себе внимание. Старушка выпрямилась и, приложив козырьком ко лбу ладонь, посмотрела в мою сторону.

– Здравствуйте, Клавдия Дмитриевна! – сказала я, подходя ближе. – Надеюсь, вы извините, что я без приглашения?

Хозяйка убрала ладонь и одернула издававший виды ситцевый халат, перевязанный пояском. У нее было полное, в красноватых прожилках лицо и белые волосы, уложенные в узел на затылке. Больше всего меня поразили глаза – невероятно живые и, я бы сказала, хитрые.

– Здравствуйте, милочка! – решительно сказала Клавдия Дмитриевна голосом, в котором проскальзывали повелительные интонации. – Что-то мне ваше лицо знакомо... Пойдите, ничего не говорите! Я сейчас вспомню! – Она довольно бесцеремонно уцепилась за мои плечи сморщенными ручками и повернула меня к свету. – Ну, так и есть! Бойкова... дай бог памяти!.. Ольга Юрьевна! Газета «Свидетель»! И вы пришли ко мне по поводу этого ужасного убийства! – Последнее было произнесено совершенно безапелляционным тоном.

– Ну, знаете, – проговорила я ошеломленно. – Мне рекомендовали вас как человека наблюдательного и проницательного, но чтобы так, с ходу...

– Элементарно, милочка! – отрезала старушка, выпуская меня из своих объятий. – Вашу газету изучаю с первого номера, а, насколько мне помнится, именно в первом номере были помещены портреты сотрудников редакции. Не смотрите, что я вся седая! Глаза у меня, как у орла, а память – дай бог каждому! А знаете, в чем секрет? Природа, свежий воздух и вот эта лестница. На дню вскарабкаешься вверх-вниз раз двадцать – лучше всякой физкультуры. Но это я отвлеклась. Вас-то интересует совсем другое, и, между прочим, зря! Главное в жизни – здоровье, и не слушайте, если кто-то будет утверждать обратное. Впрочем, что я объясняю? Вы, милочка, сама с головой – это я по вашей газете сужу. Очень толково – это я вам говорю! Вы и сейчас не сплеховали, верно?

– Ну-у, – неопределенно произнесла я. – Об этом еще рано судить.

– Рано или не рано, а ведь пришли ко мне! – воскликнула бойкая старушка. – Раз пришли, значит, не верите, что это бедный Токмаков накуролесил. И правильно делаете, что не верите!.. Только что же мы тут стоим? Пойдемте-ка на кухню, я вас чаем угощу с малиновым вареньем!

Я было начала отнекиваться, ссылаясь на занятость и на только что выпитое вино, но Клавдия Дмитриевна не желала ничего слышать.

– Уважьте старуху! – сурово сказала она. – С нами ведь как надо? Посидеть, чайку попить, о болезнях покалякать. Я ведь вам не вина предлагаю! Это небось Лисицын вас своей отравой угощал? Точно, он! Словом, никаких возражений!

Она привела меня в маленькую чистую кухоньку, где на газовой плите, работавшей от баллона, вовсю пытел таз, наполненный багровым раскаленным вареньем. Однако жарко не было – открытые настежь окна создавали сквозняк, настолько мощный, что он не только нес прохладу, но чудесным образом вытягивал из помещения залетных гостей. Мухи, осы и пчелы, привлеченные сладким запахом, не успевали добраться до вожаемой цели, как поток воздуха тут же уносил их наружу.

– Не боитесь сквозняка, Клавдия Дмитриевна? – спросила я.

– Ничего не боюсь, милочка! – заявила старушка. – Ни сквозняка, ни черта, ни бога! Сейчас это, может, и не модно, но так нас воспитали. Атеистами родились – атеистами и помрем!

Сделав такое жизнерадостное заявление, Клавдия Дмитриевна налила мне огромную чашку темного, пахнущего травами чая, поставила на стол вазу свежего варенья и целое блюдо еще теплых плюшек. Все это мне было категорически велено выпить и съесть.

– Иначе разговора у нас не получится, – непреклонно заявила она.

Поняв, что выбора не остается, я налегла на угощение. Вскоре взгляды хозяйки смягчились, и она с интересом спросила, удались ли плюшки. Я ответила, что удались – нисколько не покривив при этом душой.

– Сама пекла, – с гордостью сказала Клавдия Дмитриевна. – Уж и не для кого, одна я совсем осталась, а остановиться не могу. Привыкла возиться по хозяйству, теперь не остановишь.

– Говорят, вы раньше адвокатом работали? – я попыталась направить разговор в нужное русло.

– Сорок годков! – подтвердила старушка. – Но последнее время совсем отошла от дел. И здоровье все-таки уже не то, да и времена изменились. Мы теперь со своими понятиями не больно-то нужны! И правильно – всему свой срок!

– Но, говорят, кроме хозяйства, вы еще чем-то занимаетесь, – спросила я. – Вас даже называют «мисс Марпл», знаете?

– Я, милочка, все знаю, – со значением произнесла старушка. – И правильно называют. Это оттого, что мне вся их подноготность известна. Я все вижу! У меня там наверху наблюдательный пункт. Когда скучно станет, я сяду там с биноклем и посматриваю вокруг. И сразу

могу сказать, кто какой жизнью живет. Все мелочи фиксирую – у меня и журнал специальный есть. Скажем, кто пьяный на дачу пришел, кто кирпича машину привез, кто в чужой сад через забор залез...

– Вы меня извините, Клавдия Дмитриевна, – сказала я. – Но мне не совсем понятно, зачем вам это нужно?

– А как же, милочка? – удивилась хозяйка. – А вдруг преступление? Уж мы-то с вами знаем, что жизнь без преступлений не бывает. Рано или поздно, а каждый бежит – или к прокурору, или к адвокату. А тем что подавай? Информацию! А где информация? А вот – у Клавдии Дмитриевны в журнале. Да мне и журнал не очень-то нужен – я все в голове держу. Вы вот удивляетесь, а возьмите хотя бы этот случай. Не будь меня, кто бы вам ситуацию объяснил? Не это же старичье, которое дальше своего носа ничего не видит!

– А вы, значит, объясните? – с улыбкой спросила я.

– Всенепременно объясню! – сказала старушка гневно. – Я бы и этому хлыщу в черных очках все объяснила, да он даже не соизволил поговорить со старухой.

– Вы имеете в виду следователя Полянского? – догадалась я.

– Не знаю, кого я имею в виду, а все шастал здесь один такой важный, показание снимал.

– Он с вами не разговаривал?

– А зачем? Ему и так все ясно, – проворчала Клавдия Дмитриевна. – Сегодня опять тут был.

– Я знаю. На участке Токмаковых нож нашли. Орудие убийства, – сообщила я.

– Что вы говорите?! – ахнула старушка. – У Токмакова какой адвокат, не знаете?

– Вот этого не знаю, – сказала я. – А что?

– А то, что артисты – народ впечатлительный, нестойкий, – убежденно заявила Клавдия Дмитриевна. – Нажми на них покрепче – подпишут что угодно. А если еще адвокат слабенький, тогда вообще, как говорится, хана!

Блатное слово прозвучало в ее устах довольно забавно, однако в самих словах ничего забавного не было. Она, пожалуй, была совсем недалеко от истины. В положении Токмакова прежде всего следовало рассчитывать на собственную твердость, а не на искусство следователя. О вспыльчивости артиста я уже была наслышана, другие же черты его характера были мне неизвестны.

– Но этого же нельзя допустить! – горячо сказала я.

– Кому вы это говорите? – возмутилась старушка. – Я сорок лет боролась с бездарными сыщиками, но и сейчас не намерена сидеть сложа руки.

– Но что можно сделать конкретно? – прямо спросила я. – Похоже, вы совсем не верите в виновность Токмакова. У вас есть какие-то соображения на этот счет?

– Соображения? – фыркнула старушка. – У меня есть факты! Знаете что, милочка? Пойдемте-ка со мной! Я кое-что вам покажу!

Слегка переваливаясь на ходу, она устремила к выходу, призывно махнув мне рукой. Я поднялась из-за стола и последовала за ней. Клавдия Дмитриевна вышла из кухни и, цепляясь сухонькой рукой за перила, начала довольно скоро подниматься по деревянной лестнице, отчаянно пытая, но одолевая ступеньку за ступенькой. Кроме того, она умудрялась сопровождать свой подъем комментариями, не прерываясь ни на минуту.

– Небось думаете: и куда лезет, старая дура? Думаете-думаете, чего уж там! Я и сама так иногда думаю, хе-хе... Но у меня такая уж закваска. Я и себе сроду спуска не давала, и другим.

Глядя на ее косолапую фигуру, отчаянно карабкающуюся по крутой лестнице, в это можно было поверить без труда. Она выполнила задачу с блеском и, только попав наверх, позволила себе передохнуть.

– Ух, запалилась! – восторженно сказала она и повела рукой: – Вот, милочка, моя голубятня!

Небольшая комната имела четыре окна, выходящие на все стороны света. У стены стоял низкий топчан, а посередине – старое кресло на колесиках. В углу примостился старинный пузатый буфет. На кресле валялся полевой бинокль в кожаном футляре. Я обошла комнату и выглянула в каждое окно. Оказалось, что из «голубятни» открывается совсем неплохой обзор – как на ладони были окрестные дачи, какая-то часть дороги внизу и даже противоположный берег Волги.

– Ну, как, сориентировались, милочка? – спросила Клавдия Дмитриевна, останавливаясь у меня за спиной. – Во-он участок, где произошло убийство, – прямо за той ржавой емкостью у Лисицына. К сожалению, там ничего не разберешь – сплошные джунгли, но, по крайней мере, услышать кое-что можно, особенно ранним утром, когда вся природа еще спит.

Я заинтересованно посмотрела на Клавдию Дмитриевну, а та кивнула и сказала:

– Природа спит, милочка, а у меня по ночам бессонница. В десять ложусь – в полночь уже ни в одном глазу. И так до самого рассвета. Как говорится, враг не дремлет, – ухмыльнулась она.

– Значит, вы слышали что-то в ночь убийства? – догадалась я.

– А как же! Ясное дело, слышала! Я еще вечером слышала, как эти двое лают на всю округу. Ужасно противные голоса у мужчин, когда они в гневе!

– Если бы только голоса! – вздохнула я притворно. – И долго они ругались?

– Совсем недолго, – ответила Клавдия Дмитриевна. – Засветло уже кончили. Токмакова увела супруга в дом, а этот с собакой поплелся в Затон – я видела, как они выходили на дорогу.

– А потом что было, Клавдия Дмитриевна? – поинтересовалась я.

– Потом он вернулся. Примерно через час. И тоже заперся на даче. Представляю, какое он свинство развел там за те месяцы, что жил!

– А вы, случайно, не в курсе, кто определил его на эту дачу?

– Я, милочка, тут живу, только когда становится тепло, – объяснила Клавдия Дмитриевна. – А он заселился, говорят, в апреле, еще снег не весь сошел. Но я сейчас вам кое-что расскажу, а вы делайте выводы.

Повелительным жестом она усадила меня в кресло, а сама опустилась на топчан и принялась рассказывать, отмечая каждый изложенный факт загибанием пальца на левой руке.

– Итак, Гаврилов вернулся и закрылся у себя на даче. Все было тихо до самого вечера. Потом стемнело, и я легла подремать. Часы у меня всегда под рукой. Часы, бинокль и фонарик. Вы-то понимаете, как важно контролировать время с точностью до минуты! Поэтому я могу определенно сказать – проснулась я в шесть минут первого. Кругом была темнота – хоть глаз выколи. Я открыла окошко. Все небо было усыпано звездами. Звенели сверчки. Я дышала воздухом и обдумывала дела на завтрашний день. Вдруг в тишине заворчала и залаяла собака. Я насторожилась и, конечно, проверила время. Было без двадцати час. Собака еще раз гаркнула, и послышался какой-то неясный шум, будто что-то крупное катается в густой траве. Длилось это недолго, а потом снова наступила тишина. Как я ни прислушивалась, ничего интересного больше услышать мне не удалось. Но спать я все равно не могла и спустилась в сад. Побродила в темноте по саду, как привидение, – электричества-то у меня нет, – а потом затеяла прогуляться. Это уже было три часа ночи, еще было темно. Я взяла фонарик и тут по узенькой тропке пошла к дороге, – в этом месте Клавдия Дмитриевна сделала большие глаза и замирающим голосом сообщила: – И тут я слышала, что едет машина!

С удовлетворением отметив, что я слушаю ее с открытым ртом, Клавдия Дмитриевна хитро улыбнулась и торжествующе объявила:

– Они могут водить за нос кого угодно, но только не старую Клавдию Дмитриевну! Конечно, было еще темно, но ведь был фонарик! Я просто спряталась в кустах и подождала, пока он поставил машину на обычном месте.

– На обычном месте? – невольно воскликнула я. – Ничего не понимаю. И кто же это был?

– Не торопитесь, милочка, – победоносно усмехнулась старушка. – Я тоже не торопилась, поэтому кое-что разузнала. Итак, он поставил машину, выключил мотор и пошел назад, свернув на дорожку, которая ведет к даче Порошкова. Я дождалась, пока затихнут шаги, и подкрадлась к машине. Как я и думала, это оказалась вишневая «девятка» с уже известным мне номером – он записан у меня в книжечке. Ага, сказала я себе, потому что эта машина появлялась здесь уже не впервые. Между прочим, всегда по ночам!.. Хотя могу и соврать, милочка. Все-таки у меня не сто глаз, что-то я могла и упустить. Но одно знаю точно: до этого «девятка» трижды наведывалась в наши края, а те, кто на ней приезжал, ходили в гости к покойнику... Ну, то есть тогда-то он еще не был покойником, это ясно.

– И что же это были за люди? – с нетерпением спросила я.

– Этого я не знаю, – категорически заявила старушка. – Были мужчина с женщиной, а потом женщина одна. Между прочим, в первый приезд они привезли пса – ведь появился он здесь не сразу!

– Женщина? Интересно, – сказала я. – И вы можете ее описать?

– Нет, не могу, – отрезала Клавдия Дмитриевна. – Визиты происходили в темноте, а я все-таки не сова, хотя и не сплю по ночам. Но я дам вам номер машины, и вы без труда сумеете отыскать ее хозяев.

– А тот, последний, раз женщина тоже была? – поинтересовалась я.

– Нет, приехал только мужчина. Мне это показалось недобрый знаком. Мужчина, крадущийся в темноте, – ужасно неприятная картина, правда? Если у тебя чистая совесть – крадись днем, кто тебе помешает?

Выслушав столь парадоксальную сентенцию, я невольно засмеялась.

– Абсолютно ничего смешного! – заметила рассказчица. – Вы дослушайте, что было затем! Не успела я вернуться к своей тропинке, как со стороны известной нам дачи прогремел характерный хлопок. Прогремел – это, конечно, сильно сказано. Хлопок был совсем негромкий, но в тишине ночи он прозвучал для меня как щелчок бича над самым ухом! Я сразу поняла, что это такое, и, честно сознаюсь, не придумала ничего лучше, как спрятаться в те же кусты.

– Неужели пистолет с глушителем? – недоверчиво спросила я.

– Никаких сомнений! – заявила Клавдия Дмитриевна. – А следом появился владелец машины. Он бежал очень легко, стараясь не топтать, но летел сломя голову! Промчавшись мимо меня, он прыгнул в машину и задним ходом попер туда – к повороту. Не успела я прийти в себя, как «девятка» уже исчезла в ночи, словно ее и не было.

– Но, простите, речь до сих пор шла о ноже! – воскликнула я. – Острый нож, покрытый засохшей кровью, – вот что искали и, между прочим, нашли сегодня в саду Токмакова. При чем тут пистолет с глушителем?

– Я тоже все время задаю себе этот вопрос, – важно сказала Клавдия Дмитриевна. – Наверняка я получила бы на него ответ, если бы в ту же самую минуту нашла в себе силы заглянуть на участок Порошкова. Но, милочка, сил на это у меня не хватило. И, наверное, к лучшему. А то, вполне возможно, лежала бы я сейчас тоже с перерезанным горлом где-нибудь в городском морге – не самое, между прочим, интересное занятие.

– Так что же это получается? – растерянно произнесла я. – Гаврилов вместе со своим псом пали от ножа неизвестного убийцы. Судя по всему, ни Токмаков, ни тот мужчина из вишневой «девятки» не могли быть этим убийцей. Тем более что последний в кого-то стрелял. Выходит, как раз в убийцу он и стрелял?!

Клавдия Дмитриевна развела руками.

– Все, что знала, я вам сообщила, милочка! – строго проговорила она. – Остальное уже ваша забота. Советую не торопиться с выводами и все хорошенько проверить – вдруг старуха что-то напутала! – Она хитро покосилась на меня.

– Но если был выстрел, должна остаться гильза, – размышляла я вслух. – Это обязательно нужно проверить.

– Вот-вот, проверьте! – поддакнула Клавдия Дмитриевна, поднимаясь. – Только, уверяю вас, это будет не легче, чем найти иголку в стоге сена! Может быть, проще будет разыскать владельца автомобиля. Сейчас я вам спишу номер.

Она подошла к буфету и открыла скрипучую дверцу. На свет появился почтенных размеров grossбух, который старушка раскрыла на нужной странице и тщательнейшим образом переписала из него на клочок бумаги номер машины.

Я взяла листок и от души поблагодарила Клавдию Дмитриевну. Она, прищурясь, наблюдала за мной, кажется, чрезвычайно довольная.

– Когда распутаете это дело, – добродушно сказала она, – обязательно осветите его в газете. Я очень рассчитываю попасть в хронику. Не стану возражать, если вы даже рискнете напечатать фотографию старухи.

– Обязательно рискнем, Клавдия Дмитриевна! – пообещала я.

– Знаете, почему-то я вам верю! – глубокомысленно изрекла хозяйка и добавила: – Ну а теперь нам предстоит спуститься с небес на землю, а это всегда нелегко. Если не возражаете, милочка, я пойду за вами, потому что, когда я спускаюсь по этой лестнице, мне все время кажется, что однажды я слечу с нее кубарем.

Опасения эти были далеко не беспочвенны, но на этот раз коварная лестница нам покорила. Мы спустились в сад и тепло распрощались. Уже не задерживаясь ни минуты, я возвратилась туда, где оставила «Ладу», и немедленно поехала в редакцию.

Глава 6

– Итак, следует, видимо, признать, что наша версия о мотивах убийства находит подтверждение, – заявил Кряжимский, выслушав мой рассказ о приключениях бойкой старушки. – Позволю себе предположить, что человек на автомобиле имеет прямое отношение к даче Порошкова, поскольку его машина появлялась там достаточно регулярно. А вот тот бесплотный пока призрак, который так хорошо управляется с ножом, пришел, скорее всего, со стороны – из тех же краев, что и несчастный Гаврилов. Но обоих их привела сюда одна и та же причина – смею предположить, с криминальной подоплекой.

– Но и этот, с машиной, – тоже не самый законопослушный гражданин, – заметила я. – Коль скоро ходит с пистолетом в кармане. Или, как выразилась более точно Клавдия Дмитриевна, крадется в темноте.

Кряжимский слегка поморщился.

– В отношении пистолета нет полной ясности, – сказал он. – Старушка могла принять за выстрел треск сломанной ветки, щелчок замка – мало ли что. Вот если бы найти гильзу!

– Я поищу! – коротко бросил вдруг Виктор, до сих пор не произнесший ни слова.

Мне пришлось напомнить ему о том, что дача опечатана, а заросли бурьяна на участке ничуть не уменьшились. Но Виктор уже решительно поднялся.

Через некоторое время с улицы донесся шум отъезжающей машины. Кряжимский старательно вслушался в него, пока звук не растворился вдали, а потом объявил:

– Ну а я, пожалуй, займусь номером машины, Ольга Юрьевна, и ее хозяином. Этот номер – самое реальное, что сейчас имеется в нашем распоряжении. Владелец машины, в свою очередь, вполне мог столкнуться с убийцей. Но... – Сергей Иванович сожалеюще пожал плечами. – Я вовсе не уверен, что даже если мы найдем этого человека, это решит все дело.

– Что вас смущает? – спросила я.

– Во-первых, это может оказаться совсем посторонний человек. Ваша адвокатесса, конечно, весьма достойная женщина, но она могла ошибиться. Владелец машины мог быть гостем на какой-то другой даче. Этого нельзя исключать. Во-вторых, в любом случае этот человек вряд ли сможет описать убийцу – ведь было еще темно. В-третьих, я допускаю самый экзотический вариант – старушка просто нас дурачит.

– Зачем это ей? – недоверчиво спросила я.

– Есть масса людей, обожающих розыгрыши, – сказал Кряжимский. – И чем серьезнее последствия, тем большее удовольствие такие шутники получают. Судя по вашим рассказам, дачники воспринимают свою соседку не слишком-то серьезно.

– Однако ее-то рассказ о той ночи во многом совпадает с рассказом Лисицына, который обнаружил труп, – возразила я.

– Зато Лисицын, кажется, и словом не обмолвился о выстреле? – напомнил мне Кряжимский. – Возможно, его и не было?

– Убийцу с ножом тоже никто не видел, – сказала я. – Возможно, его тоже не существовало. Выстрел из пистолета с глушителем – это, по сути дела, негромкий хлопок. Те, кто находился в домах, а тем более спал, могли не обратить на него внимания – кстати, как и на шум проезжающей машины, – но Клавдия Дмитриевна находилась в этот момент на улице! И потом, не с неба же она взяла номер машины?

– Ольга Юрьевна, ради бога, не горячитесь! – умоляюще произнес Кряжимский. – Я ничего не утверждаю. Просто в наших же интересах подвергать сомнению попадающие в наши руки факты. Ошибка может очень дорого стоить.

– Кстати, – задумчиво протянула я. – Как там обстоят дела с нашим подзащитным? Когда ему предьявят нож, найденный на его клумбе, он вполне может впасть в панику.

– Ну, не думаю, – как-то смущенно возразил Кряжимский. – Все-таки он мужчина.

– Эх, Сергей Иванович! – сказала я со вздохом. – Именно это меня и смущает!

– Кажется, вы заделались феминисткой, Олечка? – шутливо спросил меня Кряжимский. – Раньше вы не столь однозначно высказывались о мужчинах!

– Ну, посудите сами, Сергей Иванович, – развела я руками. – Кто приходит в милицию, в суд, в газету, требуя справедливости? Женщина. Кто спешит на выручку? Женщина. Кто дает информацию? Опять женщина. А что делают в это время мужчины? Пьют водку, бранятся, машут ножами и совершают всевозможные ошибки. Поневоле задумаешься. Между прочим, речь в данном случае не о вас и не о Викторе. В нашей редакции собрались лучшие представители сильного пола!

– Это называется подсластить пилюлю! – с усмешкой заметил Сергей Иванович. – Тем не менее, благодарю вас, Олечка, за комплимент. Благодарю и удаляюсь. К завтрашнему дню постараюсь собрать вам все данные на этого загадочного автолюбителя. Может быть, если пове-зет, заодно выясню, имеется ли у него разрешение на огнестрельное оружие.

Сергей Иванович ушел, и я вызвала в кабинет Марину. Честно говоря, я уже соскучилась по ней. Впрочем, как и по кофе, который она так изумительно варит.

Наша красавица Марина окончила романо-германское отделение и знает несколько языков, но сметка у нее наверняка врожденная, чисто женская. Вот и сейчас она ее блестяще подтвердила, появившись на пороге не просто так, а с подносом, на котором красовались большая чашка горячего кофе, тарелка с пончиками и что-то еще, аппетитное и румяное.

– Ты сегодня забыла о калориях, Оля! – озабоченно произнесла секретарша, ставя передо мной поднос. – Это хорошо для фигуры, но нужно знать меру. В женщине должна быть загадка, правильно? А какая же загадка в голодной женщине? Я тут пиццу купила, с сыром, между прочим, пальчики оближешь!

Я была настолько расстроена, что даже простила Марине ее сегодняшний наряд – одно из этих ужасных платьев, которые на спине состоят из нескольких завязок и чистого воздуха между ними. На мой взгляд, в этом одеянии женская спина становится похожей на плохо зашнурованный ботинок. Впрочем, возможно, я просто постепенно отстаю от жизни.

Поэтому я не стала брюзжать, а с жадностью набросилась на еду.

– Между прочим, насчет калорий ты не совсем права, – сообщила я Маринке, жуя пиццу, которая действительно оказалась – пальчики оближешь. – Сегодня я выпила стакан малинового вина, большую чашку чая, съела, наверное, килограмм варенья и не меньше фунта плюшек. Как ни странно, я все равно голодна – наверное, это чистый воздух на меня так действует.

– Ты опять ездила на эту ужасную дачу! – вздохнула Марина и уселась напротив меня, подперев кулачком щеку. – И что там слышно? Неужели Токмаков убийца? Это невозможно – такой обаятельный, такой интересный мужчина! Хотя и в возрасте... Между прочим, почему у красивых мужчин всегда такие невзрачные жены? Это удивительно! Токмакову нужна другая жена – безумно красивая и решительная.

– Любовь Георгиевна достаточно решительная женщина, – возразила я. – Но такие неприятности могут доконать кого угодно. Представляешь, сегодня в их саду проводили обыск и обнаружили нож – вероятно, орудие убийства.

Марина ахнула и посмотрела на меня округлившимися глазами.

– И что же теперь? – с тревогой спросила она.

– К сожалению, у меня складывается впечатление, что следствие движется по самому легкому пути, весьма поверхностно интерпретируя факты. Другой интересный мужчина, который сегодня утром привлек твое внимание, кажется, всерьез вознамерился отправить Токмакова за решетку.

– Но надо же что-то делать! – воскликнула Марина.

– А мы не бездействуем, – успокоила я ее. – К сожалению, истина достается с большим трудом. Комбинация, которую затеял Полянский, выстраивается гораздо проще. Рано или поздно она развалится, но до этого наш пижон многим потреплет нервы. Кстати, нужно ему, пожалуй, позвонить для очистки совести. Пусть задумается над информацией, которую мы раздобыли. Чтобы потом не жаловался, что газета «Свидетель» утаивает что-то от следствия.

Я выпила кофе и придвинула к себе телефонный справочник. Найдя номер следственного отдела, где работал Полянский, я набрала комбинацию цифр. Юрий Павлович подошел к телефону не сразу, видимо, был занят.

Когда он заговорил, настроение у меня сразу упало – его голос звучал чересчур бодро и приподнято, – значит, он считает, что дела идут совсем не плохо. Мне захотелось, чтобы он хоть чуточку огорчился.

– Это Бойкова, Юрий Палыч! – сообщила я деловито. – Видите, день еще не закончился, а мы с вами трижды вступаем в контакт. Надеюсь, я не слишком вас утомила?

– Да нет, ничего, – уклончиво ответил Полянский.

– Послушайте, я звоню, потому что разузнала кое-что новенькое об этом убийстве.

– Вы не теряете зря времени, – одобрительно заметил следователь, почти не скрывая иронии. – Мы, правда, тоже не сидим сложа руки.

– Так, может быть, вы хотите меня допросить? – предложила я. – В связи со вновь открывшимися обстоятельствами?

Я услышала, как Полянский коротко рассмеялся.

– В этом нет необходимости, Ольга Юрьевна, – благодушно сказал он. – Ни к вам, ни к вашим сотрудникам у нас больше нет претензий. Можете спокойно работать. И мой совет – выбросьте из головы это убийство!

– Что это значит, Юрий Палыч? – спросила я.

– Оно вас не касается, – снисходительно объяснил Полянский. – Дело практически закончено. Только что Токмаков подписал искреннее и чистосердечное признание...

Пока я переваривала этот факт, Полянский успел сказать «до свидания» и положил трубку.

Глава 7

Утром все заявились в редакцию на полчаса раньше – точно сговорились. По лицам Кряжимского и Виктора мне стало ясно, что у них есть что сказать. Но и мне было чем их удивить. Собрав всех в кабинете, я первым делом сообщила о том, что Токмаков признался в убийстве.

– Я все-таки не понимаю! – в сердцах воскликнула Марина. – Если ты не виноват, то как можно на себя наговаривать?

– Ты еще маленькая, – заметила негромко я. – Вырастешь – поймешь.

– Нет, ну я понимаю, что могут оказывать давление, – горячилась Марина. – Но ведь не били же его! Ни за что не поверю, что в милиции могут избить знаменитого артиста!

– Для того чтобы выбить признание, совсем не обязательно бить, Мариночка! – заметил Кряжимский. – Вы уж простите меня за неудачный каламбур. Есть миллион других способов. Представьте себе, что вас сажают в камеру, где уже находятся два десятка заключенных, а спать приходится по очереди, а параша – это далеко не отдельный санузел. Через два дня интеллигентному человеку начинает казаться, что он попал в ад, особенно если сокамерники начинают ему докучать. А тут следователь намекает, что есть возможность поменять камеру на одиночную с унитазом и без соседей – достаточно только подписать ма-а-ленькую бумажку. Тем более что орудие убийства – вот оно, найдено на вашей клумбе, чего уж тут запираться!

Марина посмотрела на Сергея Ивановича с гневным осуждением, точно подписать бумажку несчастного подследственного заставил именно он, Сергей Иванович, и сказала:

– Мы должны обратиться с протестом! Пусть этим следователем займутся хорошенько!

– С протестом обратиться, конечно, можно, – откликнулся Кряжимский. – Но ведь все может оказаться гораздо сложнее, Мариночка. Я-то нарисовал самую примитивную схему. Нет, на мой взгляд, надежнее будет завершить наше расследование. Тогда у нас на руках будут все козыри.

– А на данный момент у нас есть хотя бы один козырь, Сергей Иванович? – поинтересовалась я.

Кряжимский кивнул и поспешно извлек из кармана записную книжку. Перелистнув несколько страниц, он поднял на меня глаза и объявил:

– Кое-что мне удалось выяснить. Владелец интересующей нас «девятки» является некто Темкин Антон Владимирович, проживающий в Кавказском переулке, дом девять, квартира четыре. Числится сторожем в ЗАО «Электрон», но, похоже, это для отвода глаз. Я постарался разузнать и насчет оружия. Так вот, никакого огнестрельного оружия, по идее, быть не должно. Антон Владимирович по вопросу регистрации такого оружия никогда не обращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.